

ДМИТРИЙ ЕФРЕМОВ

ПОЛЕТ
ЯПОНСКОГО
ЖУРАВЛЯ

Р
О
М
А
Н

16+

Дмитрий Глебович Ефремов

Полёт японского журавля. Я русский

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43623195

SelfPub; 2019

Аннотация

1945 год. Волны судьбы забрасывают японского юношу в СССР, где его ждёт ГУЛАГ, настоящая дружба, трагическая любовь, чужое имя и роль разведчика. Годы пролетят как сон, и в нём он увидит золотоносные рудники, где жизнь бьёт через край, войну в Корее с её смертью и подвигами, китайского «Бумажного тигра» и долгожданное возвращение домой, от которого придётся отказаться. Идзима Сунтаро... Невыдуманная история человека, пронёсшего через всю жизнь любовь к Родине и России.

Для обложки книги использована композиция с печатного издания «Полёт японского журавля». «Белые Альвы» Москва 2018. Собственность автора.

Книга вторая: Я русский.

Лагерь.

Перед Синтаро сидел светловолосый офицер в красивой военной форме с красными погонами, курил папиросу, и внимательно смотрел прямо в глаза Синтаро. Во время допроса он прекрасно говорил по-японски, неотрывно слушал, и всё время делал пометки в тетради. Поодаль сидел ещё один офицер, тоже светловолосый, но более плотный, с отстранённым взглядом, словно ему было скучно. Синтаро понимал, что от сказанного им будет зависеть его судьба, и поэтому долго думал перед тем, как что-то сказать.

– Пожалуйста, повторите ещё раз, как вы перешли границу, сколько вас было человек, как их звали... – Снова предложил офицер.

Синтаро уже не помнил, сколько раз повторял свою историю плавания и ночного бегства, он уже хотел наругать русскому, но деликатный и спокойный тон военного, сбивал его с агрессивной волны, и Синтаро вновь начинал свой рассказ.

– Вы не волнуйтесь, соберитесь с мыслями. Поймите меня правильно, Идзима, мне необходимо знать буквально все

подробности, это для вашей же пользы. Итак, ваше имя, имя вашего товарища, откуда вы, как попали в Корею... Сколько дней вас везли до Кореи, сколько человек, хотя бы примерно, ехало с вами. Всё подробно, не спеша, уверяю вас, торопиться вам некуда, времени много, рассказывайте.

Когда Синтаро в очередной раз закончил свой рассказ, офицер подвинулся ближе и показал тетрадь с записями и рисунками, сделанными Синтаро, указывая на обведенное карандашом место. – Вот здесь мне кое-что не понятно. Ваш товарищ до этого говорил, что вокруг полей, где вы работали, болотистая местность, и что он не видел военной техники, когда вас везли в кузове машины. А вы сказали, что с кузова видели как тренируются солдаты. Кстати, какой марки машина, вы можете сказать?

Синтаро покачал головой и опустил глаза. Он понял, что офицер раскусил их с Изаму договоренность не сообщать на допросе о той военной технике, которую они видели, когда двигались на север. Скорее всего, Изаму сказал лишнего, или его поймали на лжи, и теперь Синтаро надо было решить, как вести себя дальше. Он понимал, что в них видят шпионов, и могут просто пустить в расход.

– Вы не волнуйтесь Идзима, я прекрасно понимаю ваше положение, вы молодой, растерялись. Не трудно догадаться, что вы не солдат, это заметно. Но идёт война, Япония на стороне гитлеровской Германии ведёт военные действия против наших союзников, поэтому мне нужно, чтобы вы рассказали

всё, что знаете об этой стороне дела. Всё, что знаете. Придумывать ничего не надо, только то, что вы лично видели или слышали. Расскажите о распорядке, чем вас занимали, когда вы стали солдатом. Мне интересна анкета, которую вы заполняли, кто был вашим командиром отделения, кто командовал ротой. Вспомните фамилию того офицера, который агитировал вас вступить в армию. Если вы будете говорить неправду, как ваш товарищ, то какой смысл нам тратить на вас время?

Эти слова поставили всё на свои места. Синтаро осознал, что они особенно и не нужны вместе с их сведениями, а дело лишь в том, говорят они правду или нет. Русские самолёты бомбили японские укрепления, а русские солдаты уже шли в атаку. Всё, что он мог рассказать, русским было уже известно, и не было никакого смысла молчать. То, о чем они договорились с Изаму, пока их везли в машине, уже ничего не стоило, а лишь запутывало их самих. Он не знал, о чём мог сказать Изаму, поэтому решил говорить начистоту.

– Мы боялись стать предателями, поэтому решили не говорить о военной технике, – приглушённо начал Синтаро. – Офицер утвердительно кивнул, улыбнулся и придвинул к нему карандаш и листок бумаги. – Нарисуйте всё, что видели и потом будете свободны, разумеется, условно.

Синтаро снова стал наносить на бумагу всё, что помнил. Сначала у него не получалось, поскольку листа всё время не хватало, тогда офицер подкладывал ещё листок.

– Ну вот, теперь и мне становится понятно, – довольный результатом сказал следователь, переведя взгляд на другого офицера. Они несколько минут разговаривали и о чем-то спорили, сравнивали рисунок с картой, временами поглядывая на Синтаро, отчего тот догадался, что именно сейчас решается его судьба, по крайней мере, на ближайшее время.

– А вы молодец, Идзима. У вас неплохая память и хорошие графические способности. Можно подумать, что вас специально обучали этому.

Синтаро смутился, но ничего не ответил. Он не мог рассказывать про то, как когда-то ему тренировал память китаец Ли Вей, как учил запоминать всё, что видел на улице Синтаро в своих путешествиях по городу, а затем на земле рисовать по памяти. Вспомнив об этом, Синтаро задал себе вопрос: а для чего собственно, Ли Вей обучал его этому искусству. Не для того ли, чтобы именно сейчас передать врагу то, что является государственной тайной. Он вспомнил странную и таинственную смерть китайца, и испытал непонятное чувство растерянности, будто в нём что-то цельное и определённое, разрушилось, и образовалась пустота, куда его неудержимо втягивает. Ему стало страшно.

... – Я правильно произнёс вашу фамилию?

Синтаро вернулся в настоящее и растерянно кивнул. Произношение офицера действительно было хорошим. Будь перед ним азиат с узкими глазами, он и не подумал бы, что это не японец. – Вы говорите так же, как мой отец, – без смущения

ния сказал Синтаро.

– Ну, об отце вашем мы поговорим после, а пока о деле. В одном месте вы упомянули о каком-то китайце, он плыл с вами, а потом пропал. Не так ли? Мне непонятно, как он мог оказаться в Японии. Вам что-нибудь известно об этом? Как он попал в число осуждённых? Вы сказали, что он пропал. Быть может, его столкнули с баржи? Или всё-таки шторм виноват?

Синтаро задумался, высвечивая в памяти все подробности, связанные с Ли Веем. Ему показалось странным, что русский офицер задаёт вопросы о нём. Было непонятно, зачем русским знать о каком-то старике.

...– И вот ещё странность. Это ведь ваш? – Офицер выложил на стол крестик. Синтаро смутился, до этого он думал, что потерял крестик, он даже не мог вспомнить, когда его могли снять. – Откуда он у вас? Поверьте, за свою долгую службу я ни разу не встретил крещёного японца. Синтаро покраснел и вынужден был рассказать, как крестик стал его собственностью. Во время его рассказа о Ли Вее офицер несколько раз поворачивался к своему товарищу и что-то ему коротко говорил.

... – Ну что ж, рассказ ваш интересен. Крестик пока останется у нас, волноваться не стоит, вам его вернут, если... Мы немного ушли от главной темы. Вы можете на карте показать, в каком месте вышли на озеро? Если верить вашему рассказу, то после бегства, вы смогли преодолеть около сотни ки-

лометров. – Офицер придвинул к Синтаро большую серую карту, на которой должно было находиться озеро. Синтаро оглядел её со всех сторон и замотал головой. Офицер улыбнулся и ткнул пальцем в карту. – Конечно, откуда вам знать. Вот это место, если ваше описание не выдумка. Мне непонятно вот что. Вы говорили, что в этом месте происходило что-то странное, но вы не могли этого видеть, поскольку разведывать берег ходил ваш товарищ. Не стану вас путать, и тем более заставлять фантазировать. Выясним у вашего товарища. Это всё проверят на месте, а пока отдыхайте. Рисунки ваши мы ещё будем сверять с картой, но, похоже, что вы не обманываете. Вас накормят и дадут новую одежду, вашему другу тоже.

Их поместили в светлую, с зарешёченным окном комнату, с двумя железными койками без матрацев, напротив окна стоял стол и два стула. На столе лежала стопка бумаги и карандаши. До этого их накормили кашей, вкус которой был незнаком. Есть её пришлось деревянными ложками. Прощаясь, офицер предложил подробно написать о своём прошлом, и Синтаро, как только они остались одни, сел записывать.

– Ты что спешишь, как глупая корюшка в сачок. Мало тебя муржили русские? С самого утра как прибитые к стулу, у меня в спине болит. – Изаму завалился на кровать и накрыл голову краем серой куртки, – ты как хочешь, а я буду спать. Пусть русские меня расстреливают, а я, всё равно, спать хо-

чу. Лучше не буди меня, побыю.

– Но скоро стемнеет, и ты не сможешь писать в темноте. А завтра...

– Завтра будет только завтра, пробурчал Изаму. – Мне наплевать на то, что будет завтра. Я буду спать. – Изаму некоторое время ворочался на голой сетке, а затем засопел. Синтаро был удивлён поведением друга, и стал размышлять над его словами. Он не знал, что будет завтра, но Изаму, это как раз совсем не волновало. Он жил тем, что имел. Именно об этом когда-то рассказывал Ли Вей. Им надо было жить по законам происходящего, и не фантазировать о будущем, тем более, омрачать его тяжёлыми мыслями. Синтаро тоже улёгся на койку и закрыл глаза, но спать совсем не хотелось. Дверь открылась, солдат принёс лампу, и показал, как делать свет ярким. Синтаро удивило, что в поведении военного не было никакой агрессии и недовольства. Наоборот, глаза его, взгляд, говорили о добром расположении, словно они не были вражескими японскими солдатами. Он вспомнил, как в Корее мимо лагеря, где они работали, провели человека, это был не азиат. Его вели на верёвке, словно животное, и всё время толкали в спину прикладами. Никто не знал, кем был этот человек, одни говорили, что русский диверсант, прыгнувший с парашютом, другие, что беглый, которого хотели расстрелять большевики. Но, в любом случае, обращались с пленным не так, как сейчас с ними. Их ни разу не ударили, и хоть долго допрашивали, но относились как к людям, на-

кормили, и одели в сухую одежду. Эта разница вынуждала Синтаро думать, что о русских говорили много неправды, и причин высокомерно задирать голову или замыкаться у него нет. Он снова вспомнил слова Ли Вея, что русских лучше не обманывать, а за правду голову не рубят. Мысли не давали Синтаро расслабиться, он сел к столу и стал записывать всё, что помнил о своём детстве, о последних годах своей жизни, об отце и матери. Неожиданно из глаз полились слёзы, он увидел перед собой, словно в объёме, свой дом и брата, помогающего отцу сажать дерево у крыльца дома. Как давно это было, и увидит ли снова Синтаро свой дом и родных? Этого он не знал. Он писал почти до утра, пока в лампе не закончился керосин. Фитиль погас, а вместе с ним и все мысли, что окружали Синтаро тесным кольцом. Он так и остался сидеть на стуле с упавшей на руки головой до того момента, пока не услышал сквозь сон шум за окном. За плотной стеной зелени он не мог видеть, что шумело, но догадался, что военная техника, может быть, танки. Когда он открыл глаза, напротив сидел всё тот же офицер, и, улыбаясь, читал записки Синтаро.

– У вас была счастливая жизнь Идзима-сан. В отличие от вашего товарища, хотя, что я говорю. Не моё это дело сравнивать. Мне, признаться, вас искренне жаль, но служба есть служба, я должен делать своё, как прописано в нашем законе.

Изаму уже не спал, сидел на краю кровати и недовольно комкал в ладонях листок бумаги, наспех заполненный неров-

ными строчками иероглифов. Офицер почти не обращал на него внимания.

– Хочу, наконец, представиться, – заявил офицер. Моя фамилия Вязов, как вы поняли, наверное, я из органов госбезопасности. Так и обращайтесь ко мне, «товарищ Вязов». Надеюсь, мы поладим в будущем, а пока скажу, что вас переведут, временно, конечно, в лагерь предварительного содержания. Это до окончания следствия. А там посмотрим. И, как обещал, возвращаю вам ваш крестик. Храните его.

О том, что пограничники задержали двух странных японцев, Илья Ильич Вязов узнал на следующий день и уже через несколько часов выехал на место. По опыту прошлых задержаний он знал, что в таких случаях время терять нельзя, а когда фронт двигался со скоростью сто километров в сутки, любые сведения о тыле японцев были на вес золота. За годы оккупации Маньчжурии японцы успели создать плотную линию оборонительных сооружений, о боеспособности которых могли узнать лишь в последний момент, когда уже было поздно; терять личный состав в конце войны было вдвойне обидно. Поэтому Вязов и был очень заинтересован в сведениях японцев. Но его ожидания не оправдались, оба японца были растерянными, явно не имели отношения к регулярной армии, и ничего полезного на допросе не поведали. Ладейников отчасти был прав, возня с ними в планы внешней разведки уже не входила, и было естественно избавиться от них. Но количество пленных с каждым днём росло в

геометрической прогрессии, и потому было нелепо именно этих юнцов пускать в расход как диверсантов. В этом не было смысла, ни военного, ни человеческого. Единственное, чего опасался майор, это то, что в его решении начальство могло усмотреть излишнее самоуправство. Поэтому на допрос он пригласил Ладейникова. Два разных мнения могли вывести на правильную линию. Японцы представляли интерес, но какой, об этом Вязов ещё не знал, лишь интуитивно видя очень далёкую перспективу. А пока перебежчикам была прямая дорога в лагерь для военнопленных.

– Знаешь, Андрей Петрович, – обратился Вязов к молчавшему всё время допроса майору, – в этих японцах что-то есть.

Ладейников приподнял одну бровь, не отрывая взгляда от стула, на котором только что сидел второй беглый японец. Длительный допрос утомил и его, и ему уже хотелось поскорее закончить. – А по мне пустить их в расход, как шпионов, и одной проблемой меньше.

– В расход пустить, это проще всего, а мы с тобой работать должны. И потом, жалко мне их, совсем пацаны, особенно этот. Война вот-вот закончится, может, ещё пригодятся.

– Что нам, лес валить некому? – усмехнулся Ладейников. – Этого добра хоть отбавляй, а этих ещё одеть-обуть надо, языка они не знают. А, может, их в Находку отправить? Там они среди своих будут, если ты так о их жизни печёшься. Но я бы не стал обременять себя, хотя... Что-то в них,

действительно, есть. Особенно в молодом. Как он быстро сообразил, что его дружок наболтал лишнего. Даже глазом не повёл. За полгода корейский язык успел освоить, китайский знает. Готовый материал, можно сказать. Его рассказ о крещёном китайце тоже заслуживает внимания. Пожалуй, это место надо будет проработать более тщательно.

– Да, с китайцем действительно странно. Голова у парня работает, и заметь, как нарисовал, подробно и понятно. Мы годы тратим на подготовку кадров, а тут такой материал. Для меня это настолько очевидно...

– Давай не торопиться, Илья. Пусть посидят с месячишко у Потапова, да нет, недельки две, пожалуй, хватит, пусть за ними посмотрят его люди. Как они с нашим братом будут общаться, может немного пощипают их там, проверят на вшивость, так сказать. Чтоб знать, как они себя в лагере поведут. А я пока рапорт подготовлю, пусть там решают. В любом случае, транзитки им не избежать. Здесь мы с тобой бессильны что либо изменить.

– Да, транзитка здесь кстати, хотя, сколько эта транзитка проглотила народа... Это что жернова. Не потеряем мы их там? Думаю, что их сразу надо отгородить от своих. Пусть бы в русском котле поварились, попробовали, так сказать, наших щей. Глядишь, и что-то получилось бы.

– Да, получилось. Это ж надо договариваться, место подобрать. Их же там могут в порошок стереть. – Ладейников задумался на минуту, глядя в окно. – А знаешь, может оно к

лучшему. Если выживут, то материал выйдет хоть куда, будет из чего лепить. А нет...

– А на нет и суда нет, – пошутил Вязов.

– Тебя не поймёшь, Илья Ильич. То ты трясёшься за них, то шутишь. Ладно, пока к Потапову для временно задержанных, а там жизнь покажет. Транзитка, так Транзитка.

В камере, куда посадили Синтаро и его друга, находились человек десять. Там были и военные, и гражданские. Новеньким указали на верхний настил из досок, где кто-то спал.

– Симоненко, слезай на выход, – скомандовал охранник, и слегка ткнул рукой человека наверху.

– Вещи можешь не брать, – пошутил кто-то. В камере дружно рассмеялись.

– Надолго будет помнить самоволочку, – добавил другой голос. Уже с первого взгляда было видно, что камера была поделена на две группы. Несколько военных особняком держались рядом с небольшим, почти под потолок, зарешёчным окном, в другом тёмном углу, отдельно, сидели на нарах гражданские.

– Да к нам пополнение! – воскликнул один из гражданских – невысокий мужчина, с большими пушистыми усами. Играя колодой карт, он подошёл почти вплотную к Изаму и толкнул его плечом. – Сыграем, на твой пиджачок? На кон ставлю дырку от бублика.

Народ оживился. Симоненко уже успели увести.

Изаму глупо улыбнулся и тоже слегка толкнул незнакомца в плечо. Усатый сделал удивлённое лицо, кончики его усов слегка приподнялись, потом он расхохотался и протянул свою ладонь. – Семён Будённый или просто Сёма. Вон тот, что слева, это Вася. Василий. Это Пётр, тот, что носки штопает, это Степаныч. Ну а я, Будённый. Значит, Вася, Пётр и Степаныч. А этих можно одним именем называть, товарищ старший лейтенант. Тебя как звать? Не иначе Херохито.

– Кончай людям мозги засирать, товарищ старший лейтенант. Не Херохито, а Хирохито, – поправил военный.

Народ дружно рассмеялся. Хохот был настолько заразительным, что Синтаро тоже стал смеяться, тыча пальцем в друга и повторяя понятую шутку русского.

– Какой такой херо? – продолжали заводиться заключённые. Вместе с ними смеялся и Синтаро.

– Прекрати смеяться, Синтаро, мне совсем не смешно, – возмутился Изаму. – Тебя бы назвали именем императора, чтобы ты чувствовал?

– Брось Изаму, не обижайся. Они шутят. У них язык такой, мне Ли Вей рассказывал. Им скучно здесь, а тут мы пришли, новенькие, вот они и развлекаются.

– Да они, братцы, и вправду, японцы! Ну, япона мать! – продолжал валять дурака Будённый, и нарочито хитро сузил глаза. Он попытался повторить произнесённую новеньким японцем фразу, но запутался в звуках и снова расхохотался.

ся, потом вытянул из колоды карту, всунул её в середину и предложил Изаму сдвинуть колоду. Изаму, не размышляя, сдвинул.

– Семён, не пугай парня, а то ещё подумает, что ты волшебник.

– А я и так волшебник, – подмигнул Будённый, раскладывая карты на краю деревянных нар.

– Был бы волшебником, здесь бы не сидел, – произнёс один из военных.

– А мне и здесь неплохо, товарищ старший лейтенант. Тепло, кормят своевременно. Пару бабёнок бы ещё, помяснее, эх, было бы весело.

– Погоди, ещё поведут по глухому-то коридору, не до бабёнок будет.

– Да, слепой как сказал, посмотрим... – не унывал Будённый.

Время от времени, к новеньким подсаживались все, кто находился в камере, и с помощью жестов пытались завязать разговор, а заодно узнать кто они такие.

– Слышь, братва. Малой гутарит, что они ниппон. Это что, японцы букву «я» не могут выговаривать? – спросил Семён, не расставаясь с колодой карт.

– Я последняя буква в алфавите.

– Всё они могут, только стесняются, – бухтя себе под нос сказал тот, кого Будённый назвал Степанычем.

– Как думаешь, Степаныч, они успели пострелять в на-

ших?

– Эти нет. Не похоже на вояк. Охрана сказала что перебежчики. Молокососы по виду.

– А может, и диверсанты, – добавил рассудительно Вася.

– В расход, значит, – безучастно произнёс Степаныч.

– Ты какой шустрый Степаныч. В расход... Пусть поработают на стройках пятилетки сперва, а потом и в расход можно, – предложил Вася.

– На диверсантов они не похожи, заморены быстро. Эти больше на каторжан смахивают, – вступил в разговор ещё один из военных. – Я слышал, у них строго.

– А ну, японка мама, кончай горевать, давай к нам в компанию, в картейки партейку. Что время зря терять? – предложил Семён. – Сегодня оно есть, а завтра может и не быть. «Будённый», это моя кличка. Усёк? За усы мои. Бабы, знаешь, как усы любят. Эх, пощекотать бы кого между...

– Помолчи уж, фантазёр, – усмехнулся Степаныч, не отрываясь от своего занятия.

Один из сокамерников подсел к Семёну, подмигивая новеньким. Изаму переглянулся с другом, показывая взглядом, что он непротив поиграть. Синтаро отказался.

Играли в дурака. Изаму быстро освоил правила, и вскоре, после нескольких партий, решили играть на интерес. Изаму был в приподнятом настроении и нечего не понял. Следующую партию он проиграл, и усатый бесцеремонно показал жестом, что проигравший должен платить. Пока игра-

ли, Синтаро внимательно наблюдал со стороны. Игра казалась простой, но завлекательной. Он уже хотел подсесть, чтобы поддержать друга, как неожиданно заметил, что усатому один из приятелей подсовывает лишнюю карту. Синтаро без промедления подскочил, и ухватил его за рукав, но карты уже не было. Будённый словно ждал этого мгновения, схватил Синтаро за шиворот и стал душить. – Ты это брось, шпионская морда. Простачка из себя строили, а подготовочку-то видно. Ишь, какой шустрячёк, узрел фокус, даром что узкоглазый. Сейчас мы из вас спесь-то выбьем, япона мать! Говори, с какой целью перешёл границу.

Изаму не медлил, и бросился выручать друга, но запутавшись в чужих ногах, рухнул на пол. На него тут же навалились двое сокамерников.

– Ну что, доигрались, вражьи дети? – заорал Будённый. Синтаро готов был стоять до последнего, но крепкие руки усатого не отпускали. Единственное, что мог позволить Синтаро, это гневно смотреть на всех, кто был вокруг, его скулы налились свинцом, а в груди всё горело от злобы и страха. Он не ожидал, что первое знакомство с русскими будет таким бурным. Все рассказы Ли Вея о доброте русского человека не вязались с тем, что он видел сейчас. Он с трудом всё же высвободил руку, и сам не зная почему, вытащил из кармана крестик, и полоснул им по лицу обидчика. На щеке Буденного сразу же проявилась багровая полоса.

– Нихрена себе! Япона мать. Вот это реакция, – изумился

Семён, отпуская Синтаро.

– Оставь его, – приказал один из военных, до этого только наблюдавший за происходящим. – Чего парня до белого каления доводишь?

– Ах ты, япона мать! – изумился Будённый, проводя ладонью по щеке. – Ещё немного, и без глаза оставил бы. Чуть харакири мне на лице не сделал, – пожаловался Семён, словно ища поддержки у друзей.

– Ну да, хотел пукнуть, а вышло какнуть, – пошутил кто-то из дружков. В камере дружно рассмеялись, и Семён громче всех остальных.

– А ты чем это меня? Ну-ка, дай гляну. Крестиком что ли? Ты что, крещёный, что ли?

Синтаро кивнул, догадавшись, что речь именно о его крестике.

– Братва, да он православный, кажись. Ну, тады живи, – немного расстроившись, что драка не удалась, согласился Будённый, подойдя к военным. Среди них был немолодой старшина с сединой на висках, с такими же пушистыми, как у Семёна, усами. Поперёк его правой брови тянулся багровый рубец, из-за чего один глаз казался больше другого. – Да ты не волнуйся старшина, сейчас помиримся.

– Оставь его, балаболка, говорю тебе.

Семён подмигнул военному и что шепнул на ухо. Тот приподнял одну бровь, и улыбнувшись, кивнул. Подойдя к японцам в углу, готовым стоять до последнего, солдат ласково по-

глядел на них и сипловато рассмеялся. Потом похлопал Синтаро по плечу, указывая на крестик:

– Ты паря, с этим не балуй. Это не оружие. Меня вон, всю войну оберегал. – Он аккуратно вынул из-под тельняшки медный крестик, снял его с шеи, и показал японцам. Вот, всю войну не снимаю. Один раз тока не уберёг, от строптывого командира, за что вот и сижу тут. А ну, дай глянуть. Точно крестик?

Синтаро, видя, что намерения солдата мирные, медленно вытянул руку.

– Не бойсь, не отыму. Ну, так и есть, православный. Крестик-то, кажись, серебряный. Откуда у тебя он? Я говорю, кто дал?

– Нашёл, что спросить. Он же по-русски ни хрена не соображает, – рассмеялся Семён.

– Ну, мало ли, может, поймет.

– А ты его поучи языку, – предложил старшина. – Всё лучше, чем в карты резаться.

– Во-во, начни с того, что такое японская мать, – предложил лейтенант. Его шутка вызвала оглушительный смех, потом Семён взялся учить новеньких языку, и разумеется, начал с колоды карт.

Один раз в день их выводили в тесный дворик, окружённый красными кирпичными стенами, заключённых было много, и на двух азиатов уже никто не обращал внимания. Лишь однажды к ним подошёл молодой китаец, и стал что-то

восторженно рассказывать, но потом, сообразив, что ошибся, расстроился и отошёл.

Дни в камере проходили однообразно, кто-то пел песню, другие тихо подпевали. Синтаро нравилось мелодичное звучание песен, содержание которых было непонятно, но заставляло проникаться этой мелодией. Он пробовал подпевать, чем вызвал симпатию Степаныча. Однажды подсев к Синтаро тот молча показал ему несколько фотографий. На них были люди со светлыми лицами, и Синтаро удивило, что все дети, а их у Степаныча было много, были с белыми волосами. Это произвело на него такое впечатление, что Синтаро долго не мог оторвать взгляда от снимков. Синтаро понял, что перед ним не военный, а просто человек, который вынужден был оставить семью и дом, и пойти воевать.

Во время общения Синтаро часто использовал приёмы, которым его обучал Ли Вей во время занятий. Это было забавным, вспоминать эти хитроумные и вместе с тем эффективные упражнения по развитию памяти. Теперь они помогали Синтаро быстро осваивать русский язык. Для этого Синтаро брал первую попавшую на глаза вещь, и требовал, чтобы её называли. Народ усмехался, но игру принимали как должное. Через неделю Синтаро знал на память всё, что находилось в камере, включая даже тараканов. Потом он усложнил игру, прибавляя к предметам свойства.

– Да ты паря философ, – удивлялся Семён. – Далеко пойдёшь. А ну если так: – На горе трава, на траве дрова.

Синтаро стал повторять, но запнулся. Народ стал смеяться. К нему подключились и другие, и вскоре вся камера только и делала, что тарактела. Потом были «Ехал Грека через реку», «Ловили налима да не выловили». Было много скороговорок, не зная содержания которых Синтаро просто зубрил их наизусть, тренируя себя в незнакомом произношении. Потом он показывал это Изаму, тот упрямылся, но в положении замкнутого в четырёх стенах, ему ничего не оставалось, как тоже тренироваться в языке.

Они побыли в камере две недели, их сносно кормили, в порядке очерёдности они убирали камеру, привыкая к незнакомым порядкам.

– Однажды Синтаро позвали на выход. Он уже понимал кое-что из русской речи, а фразу «япона мать» запомнил одну из первых. Услышав своё имя, он удивлённо переглянулся с другом, и шепнул:

– На всякий случай, прощай, Изаму. Не забывай меня. Наверное, сюда мне уже не вернуться.

– Я один не останусь, – возмутился Изаму, наивно полагая, что его слова примут во внимание. В ответ на его движение охранник спокойно, но твёрдо остановил его рукой, давая понять, что волноваться не стоит.

– Не горячись, Изаму, ещё ничего неизвестно, – успокоил Синтаро.

– Ты с охраной не спорь, усёк? Ей что прикажут, то она и сделает, – объяснил Будённый, подходя прощаться. – Ну,

япона мать, – не забывай нас, – не держи обиды, если что, – сказал Семён, всё так же играя с картами. Усы его как всегда шевелились при разговоре, и производили впечатление, что их обладатель весёлый и добрый человек. – Не поминай лихом.

Его вывели во двор, от яркого света тут же ослепило глаза, Синтаро долго жмурился, а когда стал видеть, обнаружил перед собой знакомого светловолосого офицера. Он не запомнил его фамилии, но успел определить для себя, что он был добрым, если сравнивать с другим офицером, допрашивавшим его после задержания. Часовой удалился, и офицер предложил прогуляться по двору. Мимо них всё время проходили военные, и каждый первым отдавал непременно честь. Из этой детали Синтаро смог понять, что офицер имеет важный чин. Наконец, он заговорил:

– Мы проверили часть ваших показаний, Идзима. Похоже, что вы не обманывали нас. Могу с уверенностью сказать, что вас не расстреляют как шпионов.

– Не всё ли равно, в качестве кого нас расстреляют, – недовольно пробурчал Синтаро. Вязов рассмеялся.

– Или у вас нет чувства юмора, или оно слишком хорошо развито. Но если вы так хотите знать, то нет, у нас не всё равно. Но не будем об этом. В конце концов, расстреливать вас пока никто не собирался.

Вязов остановился и сделал паузу, внимательно глядясь в глаза Синтаро.

– Спасибо, – коротко ответил Синтаро по-русски, немного склонив голову.

– Не стоит. Впрочем, пожалуйста, – немного удивившись, по-русски ответил Вязов. – Признаюсь, что было непросто отстоять вас, и убедить следователя в том, что вы не шпион.

– Но мы и вправду не шпионы!

– Не волнуйтесь, Идзима, и давайте к этому больше не возвращаться.

– Что вы от меня хотите, господин офицер?

– Не буду ходить вокруг да около, Идзима, я хочу предложить вам работать.

Синтаро замер от удивления, и наконец-то осмотрелся. Это был закрытый просторный двор, несколько военных в отдалении, разделившись на пары, отработывали приёмы рукопашного боя, рядом два солдата, раздевшись до пояса, пилили большой двуручной пилой дрова; никто не обращал на него внимания. Осознав смысл слов, Синтаро почувствовал, как в груди его всё похолодело.

– Вы хотите, чтобы я пилил брёвна? – спросил Синтаро, на что Вязов открыто рассмеялся.

– Вы в который раз удивляете меня, Синтаро. Не думайте о брёвнах, я предлагаю работу иного характера. Из вас может выйти хороший разведчик. Учтите, что мы не всякому перебежчику делаем такое предложение, скорее наоборот, это редкое исключение.

– Вы предлагаете мне стать шпионом?

– В общем, да. Ваша внешность, способность мыслить, возраст... Вы нам подходите, Идзима, поэтому я предлагаю вам хорошо подумать над предложением.

– А Изаму?

– Китамура нам не подходит, если честно. Он слишком прямолинейный. У нас таких называют простаками. А вы подходите. Пока можете не отвечать, я понимаю, что для вас это неожиданно, поэтому всё обдумайте. Ломать вас никто не собирается. И сразу скажу, что поскольку вы японец, то и против родины своей вы работать не будете. Нам нужен разведчик, но не предатель. Ладно, оставим это, – Вязов похлопал по плечу Синтаро и подвёл к солдатам, которые пилили дрова. – Предлагаю вам размяться, думаю, это пойдёт вам на пользу, после двух недель безделия.

– Но я не умею, я никогда не делал этого.

– Здесь нет ничего сложного, не бойтесь, Идзима, в конце концов, когда-то надо обрабатывать свой хлеб.

Когда Синтаро увели, Изаму впервые за минувший год ощутил, как неудобно ему быть одному, как привык он к Синтаро, при этом чувствуя не только привязанность к нему, но и зависимость, словно он был старше. Его никто не трогал и не отвлекал от мыслей, пока не пришёл охранник. Когда Изаму уходил, все вдруг стали подходить к нему и прощаться. Один из солдат, тот, что заступился за них в первый день, отдал ему вещмешок, без слов показал, как завязывать его

на узел, и как крепить к нему скатанную шинель или телогрейку. Покидать камеру было волнительно и даже страшно-вато, он не знал, что его ждёт за её пределами, и надеялся лишь на то, что снова увидит своего друга, с которым свела его судьба.

Когда его вывели из тюрьмы, то первое, что удивило Изаму, это яркое солнце, оно ослепило его настолько, что несколько минут он стоял на одном месте. Охранник словно знал, почему задержанный не двигается, и терпеливо ждал. Когда глаза привыкли к свету, то ещё больше его удивило то, что в дальнем углу двора его друг пилил дрова. На пару с военным, по другую сторону длинного бревна, он тянул на себя большую двуручную пилу. Изаму растерялся. В этот момент к нему подошёл офицер, который их допрашивал. С улыбкой поглядывая на то, как Синтаро и русский солдат работают, он достал папиросу и закурил.

– Вы не курите? – спросил он на японском. Изаму растерялся и втянул голову в плечи. И предложение, и чистота речи офицера, и его лёгкая улыбка, смутили Изаму. Рядом никого не было, и офицер спросил: – Пока ваш друг учится пилить, хочу задать вам вопрос не для протокола. – Каким вы видите своё будущее? Не торопитесь отвечать, Китамура. Подумайте. Имейте в виду, что вы отвечаете перед нашим законом по всей строгости военного времени. Не пугайтесь, о высшей мере пока речи не идёт, поскольку у нас нет оснований обвинять вас в шпионаже. У нас нет сомнений, что

границу вы перешли случайно, но вернуть вас обратно мы не можем, да и вы, полагаю, не очень хотите этого. Ведь так?

Изаму насторожился, он не мог понять, к чему эти слова.

– Нас будут судить? – спросил Изаму, искоса поглядывая на своего друга. Синтаро продолжал тянуть ручку пилы, и было видно, что он устал, хотя напарник его работал легко, и даже что-то говорил Синтаро и улыбался. Это была странная картина. Синтаро до этого никогда не пилил, но у него как-то получалось. Чурки отваливались одна за другой, и когда бревно распилили полностью, они пошли за новым.

– Хочу открыть вам секрет, Китамура, вас и вашего друга осудят за переход границы, и поскольку никакого другого противозаконного действия вы не совершили, то вам, самое большое, грозит пять лет исправительных лагерных работ.

– Зачем же вы меня спрашиваете, если всё знаете на пять лет вперёд? – приглушённо спросил Изаму. – Что мы плохого сделали, чтобы сидеть в вашем лагере? За что нас исправлять? Мы всего лишь беглецы.

– А про войну вы ничего не слышали? Вас, между прочим, могли и на месте расстрелять, – рассмеявшись, ответил Вязов. – А потом – за ваше вранье на допросе. Но давайте забудем об этом. Вас ждёт, по меньшей мере, пять лет за колючей проволокой, кстати, ваш друг уже немного познакомился с основным видом деятельности в лагере. Обычно у нас пилят лес.

– Что вы от нас хотите? – спросил Изаму, наконец, сооб-

разив, что их не просто так оставили в живых.

– А вы, Китамура, не такой глупый, каким показались мне на допросе. Я хочу предложить вам сотрудничество. Не волнуйтесь, от вас многого не потребуется.

– Я простой рыбак, что с меня взять. Мы даже стрелять не умеем.

– Ну, винтовку вы, всё-таки, подержать успели.

Изаму ушёл в себя, вспоминая, как их учили колоть штыком соломенное чучело, очень похожее своими приклеенными белыми усами на того солдата, который пилил бревно с Синтаро. – У нас не было выбора, господин офицер.

– Товарищ майор. Так у нас принято, а господ у нас давно уже нет. Конечно, вы можете подумать, что отбудете наказание и вернётесь домой в Японию. Но дело в том, что вы со своим другом для японских властей не просто солдаты, попавшие в плен, а дезертиры, вы бросили своих товарищей. В их глазах вы оба предатели, и за это вас по головке не поглядят на родине. Неужели вы думаете, что ваше бегство, по сути, с поля боя, сойдёт вам с рук? Раньше, таким как вы, рубили головы, мы же можем предложить вам работу. Конечно, пилить дрова у нас есть кому, для начала мы внедрим вас в группу ваших солдат, и вы будете сообщать нам о том, что думают военнопленные, что говорят, может, среди них есть те, кто совершал преступления против мирного населения. Нам нужны осведомители, и вы очень для этого подходите. Ну а потом жизнь покажет. Ну, так как? Согласны?

– Если вы хотите, чтобы я стал вынюхивать чужие мысли, то зря теряете время. Я не буду подслушивать разговоры военнопленных, даже если мне и досталось от них. Но я хочу поговорить с моим другом, я не могу один принять решение.

Офицер сухо кивнул и подозвал охранника.

– Пусть меня лучше расстреляют, я не стану доносить на своих, – сказал Синтаро, когда они с Изаму укладывали наколотые поленья в длинную высокую стену.

– Русский офицер сказал, что нам грозит пять лет трудовых работ в лагере. Пять лет, Синтаро, пять лет. Мне раньше говорили, что русские зимы очень суровые, мы здесь замерзнем, Синтаро.

– Ничего неизвестно, Изаму, ты не можешь знать наперёд. Мы должны держаться. Ты же видишь, что нас оставили в живых. Посмотри, нас совсем не охраняют, даже работу доверили. Значит, мы им нужны.

– Это ненадолго. С предателями всегда так, Синтаро. Сначала их запугивают, потом обещают сытую жизнь, а после, когда они сломаются, с ними вежливы. А когда дело сделано, то их в расход пускают. Я знаю, что говорю. Если мы согласимся на сотрудничество, то когда-нибудь мы станем неинтересны им. И тогда нас пустят в расход. Надеюсь, что в этот раз ты не станешь делать шаг вперёд Синтаро. Ведь так?

– Так, Изаму. Я, как и ты. Всё равно, это лучше, чем плыть на барже, где воняет гниющими телами. Я сегодня пилил дерево, это совсем не трудно, Изаму. Пусть мы пять лет будем

пилить деревья, но зато мы будем знать, что через пять лет нас освободят. У русских есть законы, нас не могут просто так, как собак застрелить.

– Что ты знаешь? Мы ничего ещё не видели, Синтаро. Ты забыл как нас встретили в камере? Нам придётся пять лет жить с заключёнными. Ладно, будь что будет. Куда ты, туда и я.

Утром их снова допросили, офицер был сух и немногословен. В присутствии ещё трёх военных и одного гражданского, держа в руках лист бумаги, он объявил им о наказании, которое они обязаны понести за то, что перешли границу. Им, как солдатам, положено быть среди других японских военнопленных в отдельном лагере, но поскольку они являются дезертирами, и в Японии их ждёт суровое наказание, их направляют в лагерь, где трудятся советские граждане. Услышав приговор, Изаму не выдержал и заплакал. Потом их постригли на лысо, сфотографировали и сняли отпечатки пальцев. После этого выдали сухой паёк в дорогу, куда входила булка хлеба, две банки рыбных консервов, и несколько кусочков сахара. В тот же день их погрузили в крытую машину, где находилось ещё несколько человек, в том числе и женщина, и в сопровождении двух солдат повезли в неизвестность. Вокруг сидели люди, непонятные и непохожие на них, но никто не плакал, и ни у кого не было страха на лицах.

– Мы выдержим, Изаму, мы обязательно выживем, – всё время твердил Синтаро, всматриваясь в убегающую даль. Их

долго везли в машине, в глухой будке с маленьким зарешёченным оконцем было душно и очень укачивало. Людей, набитых в неё, словно рыбу в мешок, часто тошнило, в дороге их лишь однажды выпустили на воздух справить нужду, а потом дали несколько минут чтобы поесть.

Когда они прибыли на место, небосвод уже был окрашен тяжёлыми розовыми тонами. Озираясь по сторонам, они вышли из машины, вокруг стояли солдаты с автоматами и собаками, ворота, через которые их завезли в лагерь, закрылись. Их построили и пересчитали, потом стали делить на группы, и уводить в глубину необъятной территории, где ровными рядами тянулись невысокие бараки. Люди растеряно оглядывались, словно прощались. Синтаро подумал, что даже такой короткий путь делает совершенно незнакомых людей близкими. Он понимал, что сближало горе и неизвестность.

Их поместили в большой барак, в нём было холодно, с моря дул порывистый ветер, который, казалось, продувал его насквозь. Стёкла в небольших зарешёченных окнах под самой крышей, тряслись от порывов ветра, и от того, что изнутри и снаружи они были покрыты слоем грязи и пыли, окна почти не пропускали солнечного света. Барак состоял из двух половин – мужской и женской, разделённых дощатой перегородкой. Всем осуждённым категорически запрещалось заходить в чужую половину. Оба эти помещения, узкие и длинные, выходили в большой холодный тамбур, к которому примыкали складские помещения, кочегарка, умы-

вальник, а так же уборные. Ещё одна уборная, которой можно было пользоваться только в ночное время, находилась в спальном помещении, а само оно на ночь запиралось. В тамбуре, несмотря на холод, почему-то, всегда толпился народ. Из барака никуда не выпускали, заключённые всё время прибывали, других увозили. Таким был пересыльный пункт, как выражались сами заключённые, «транзитка». Кормили два раза в день, у каждого из заключённых была своя посуда. Изаму и Синтаро выдали на двоих одну железную миску, кружку и две ложки. Кроме баланды, раз в день в барак прикатывали деревянную бочку с селёдкой, и вместе с хлебом, выдавали каждому по одной; после солёной рыбы всегда хотелось пить, селёдка не всегда была свежей, отчего у многих случались отравления. Однако Изаму поедал ее с удовольствием, но страдал от того, что не мог после еды нормально помыть руки. Для питья в центре тамбура стояла деревянная бочка, воду из которой надо было черпать ковшом. Спали по очереди на деревянных настилах – нарах, которые тянулись в три яруса вдоль всего барака. Когда одни спали, другие стояли рядом и караулили, чтобы сразу занять освободившееся место.

Все вещи, которыми им удалось разжиться, хранились в вещмешке, там была посуда, мыло, полотенце, иголка с нитками, рукавицы. Без этого мешка пришлось бы туго. Из-за холода, ходить в бараке приходилось в телогрейках, шапки снимали только когда умывались. Каждое утро и вечер их

выстраивали вдоль узкого прохода и проверяли, сверяя всех по списку. В числе проверяющих был и медработник, который по своему усмотрению слушал лёгкие в особый прибор, заставляя того или иного заключённого задирать куртку и глубоко дышать, заглядывал в зрачки, смотрел у кого есть вши или чесотка. Тех, у кого была чесотка, сразу изолировали в специальный корпус.

В бараке они быстро привыкли к языку, особенно Синтаро, через месяц он уже мог сносно объясняться с другими заключёнными. Когда кого-то увозили, Синтаро думал: ну вот, сегодня и их увезут, это точно. Но проходил день, потом другой, и так тянулись дни, которым они потеряли счёт. Это было хуже всего – чего-то ждать. Иногда их забирали на работы в порт разгружать баржи. Там их кормили из полевой кухни горячей кашей. В порту было холодно, но свежий колючий ветер и работа снимали тоску и заставляли бороться за жизнь. Большинство тех, кто находился рядом, оказавшись вне барака, преобразались: люди забывали о положении, в котором оказались: о несправедливости и безысходности, они помогали друг другу, жили и радовались каждому мгновению. Когда друзья возвращались в барак обессиленными и голодными, то, к своему удивлению, видели, как знакомые радушно встречали их, хлопали по плечам и что-то рассказывали, никто не трогал их вещей, и не занимал места. Незаметно друзья стали привыкать к новой обстановке, Изаму всё время был в компаниях, находя себе каждый день

новых друзей, он с удовольствием играл в домино, карты, хотя, эта игра была почему-то запрещена. Синтаро больше наблюдал со стороны, ему очень нравилось, когда кто-то играл на музыкальных инструментах, оказалось, что среди заключённых было много музыкантов. Синтаро даже удивился тому, что русский народ так любит музыку. Когда звучала гармонь или балалайка, то вокруг сразу собирался народ, люди оживали, глаза их наполнялись светом, они подпевали, а иногда даже плясали. Однажды и Синтаро завлекли в танец. Его втянула в круг немолодая женщина с приятным и открытым лицом. Они захватывали колечками рук друг друга и кружили, всё время меняя направление вращения. Люди вокруг смеялись и хлопали в ладоши, кто-то весело подсвистывал. Танец показался Синтаро смешным и нелепым, но после него было тепло и весело на душе. Хозяин гармони, его звали Сашка, молодой симпатичный парень, показал, как надо играть, и к вечеру Синтаро уже тянул меха старинной русской гармошки, освоив простую мелодию.

Сашка рассказал Синтаро, что на самом деле представляла «транзитка». Сюда приходили железнодорожные эшелоны со всей страны, собирая в каждом городе осуждённых. Здесь их сортировали и отправляли дальше на север, но уже морем, в далёкий Магадан, и даже дальше, на край света, на Чукотку. Синтаро и представить не мог, что Россия такая огромная, и что где-то на севере можно жить. Но в данном случае людям приходилось не просто жить, а выживать

в неволе, терпя и голод, и холод, и что самое страшное – унижение. Синтаро было жалко тех людей, которых забирали, поскольку он уже успевал привыкнуть к ним, многие отвечали взаимностью и тоже, расставаясь, переживали, а иногда и плакали. Он никак не мог поверить в то, что все они преступники. Это были обычные люди, и лишь немногие, кого окружающие называли уголовниками или «урками», выделялись из этой массы татуировками на руках и развязной речью. Но и с ними можно было о чём-то разговаривать. Люди рассказывали о своей прошлой жизни, о том, за что они попали в это злосчастное место. Для Синтаро было открытием, когда он узнал, что за кражу с поля обычных огурцов, которые ничего не стоили, человека наказывали иногда десятью годами исправительных работ в лагере, и в то же время за убийство человека могли осудить всего на четыре года. Когда он поделился этим открытием с другом, Изаму лишь усмехнулся: – Меня уже давно ничего не удивляет.

– Но разве это правильно?

– Брось, Синтаро. Нас ведь тоже ни за что посадили в этот барак, а мы по-прежнему как-то терпим. Я даже стал привыкать к холоду. А вначале даже спать не мог. Здесь главное это не замёрзнуть, а для этого надо двигаться. Скорее бы убраться из этого места. Хоть в Магадан, хоть куда. Я не боюсь Магадана, чтобы мне не рассказывали про него. Люди помогут, будь уверен. Мне нравятся русские.

Синтаро внутренне разделял мнение друга, хотя произ-

носить это вслух стеснялся, но ему было страшно оказаться среди снегов и лютого холода. В то же время, он тоже хотел поскорей вырваться на открытое пространство, к новой жизни. Он не знал, какой будет эта жизнь среди снега и бескрайних лесов, но твёрдо был уверен, что трудности не сломают его, он уже знал, что люди помогут ему, и когда-нибудь он вернётся в Японию.

Настал тот день, когда они покинули Транзитку, это было в последних числах ноября. Они долго стояли у ворот в ожидании, от порывов ветра некуда было спрятаться, лица людей били красными, люди жались друг другу, и в волнении смотрели за проволоку. Наконец-то подъехала машина, конвоиры выстроили их в одну длинную шеренгу, и, выкрикивая громко фамилию каждого из пересыльных, по одному погрузили в крытый брезентом фургон. Потом под охраной двух солдат повезли неизвестно куда. Синтаро уже без труда улавливал смысл многих русских слов, и из разговора охранников смог понять, что их везут в бухту Врангель. Машина долго петляла среди крутых сопок, где-то внизу, сквозь голые деревья, проглядывала свинцовая поверхность бухты с отвесными берегами и одинокими кораблями на далёком рейде. Всё это вызывало жгучую тоску и страх. Вглядываясь вдаль, Синтаро понимал, что всё, что им удалось пережить, ничто в сравнении с той неизвестностью, что ждала их в скором будущем. Когда они приехали на место, их провели

длинным узким строем через небольшие ворота, где каждого арестанта опять сверяли по списку, осматривали одежду и затем, уже на самой территории лагеря рассортировывали по группам. Сырой пронзающий ветер задувал в телогрейку, Синтаро вжимал голову в короткий воротник и в волнении поглядывал на друга. Изаму не выглядел растерянным, лицо его, заросшее густой бородой, было красным от ветра, и отличить его от других заключённых уже было невозможно. Пёстрая многоликая толпа осуждённых исторгала клубы пара, слышались крики конвоиров, распределявших народ по группам; среди заключённых были и женщины.

Когда они стояли на ветру в ожидании своей участи, в какой-то момент Синтаро поймал на себе взгляд, на него смотрела молодая женщина с тонким, почти прозрачным бледным лицом с большими глазами, обрамлёнными темными кругами. Её возраст определить было сложно, держалась она свободно, не обращала внимания на военных, и, проходя мимо толпы вновь прибывших, казалось, выискивала кого-то глазами. Синтаро почувствовал, что её взгляд, остановившийся на нём, особенный, в нём не было ни страха или волнения, но была какая-то особенная грусть и сострадание. Этот взгляд зацепил его, словно проник внутрь. От этого вся суета перестала пугать его, люди вокруг: заключённые, солдаты в белых шубах, собаки на поводках, колючий снег, проникающий через одежду – всё это сделалось какой-то декорацией доселе неизвестного ему спектакля. Все играли свои

второстепенные роли, кроме него и этой женщины. Он понял, что надо просто наблюдать, забыв о холоде, страхе, и о самом себе. Синтаро вспомнил, как плыл на барже в Корею, и как грустно пел на корме один из охранников. Эта песня тогда вызвала такой прилив отчаяния, что Синтаро хотелось броситься за борт. Остановил его Ли Вей, словно угадавший намерение. Он сказал тихо и спокойно, что всё когда-нибудь начинается и проходит, вовлекая людей в бесконечные движущиеся картинки жизни. Если ветер, то человек прячется, если жара, то он тоже прячется. А надо жить и наполнять себя и ветром, и жарой, поскольку они даны человеку как испытание, чтобы он проявил волю, сделал её частью своего движения. Неизвестно, что подействовало на Синтаро, может, воспоминания или взгляд незнакомой русской женщины, а, быть может, нестерпимый холод и ожидание чего-то неизвестного, но мир вдруг остановился, картина стала, словно, застывшей, и Синтаро осознал, что всё происходит благодаря его мыслям и настроению. Неожиданно для себя он улыбнулся женщине и снял свою ушанку. – Меня звать Мишка япона мать, – коряво по-русски произнёс Синтаро. Девушка удивленно подняла брови и рассмеялась. Между ними было несколько метров, но она его услышала и улыбнулась. Она оглянулась по сторонам, словно боялась, что её увидят, и прошла через ворота, кивнув охраннику.

Их окликнули.

Синтаро повернулся. Перед ним стоял человек невысоко-

го роста, плотный, с высохшим жилистым лицом, одет он был в серую вытертую шинель, сапоги, меховую серую шапку, и сам, казалось, холода не замечал. Он подошёл к охраннику, и что-то спросил. Тот кивком показал на Синтаро и его друга.

– Ты чтоль будешь японский шпион? Вас, кажись, двое должно быть? Этот тоже? Фамилия? Или ты не понимаешь по-русски? Как зовут-то? Сообразил? – человек пристально посмотрел на друзей в ожидании ответа на свой вопрос.

– Идзима, – назвался Синтаро, – Синтаро Идзима.

– В наш отряд направлены оба. Я командир шестого отряда Зверьков. Оба следуйте за мной. Пошли, пошли. Или до ночи стоять собрались, сопли морозить? Шагом марш!

Лагерь, куда привезли их, был одним из последних в веренице лагерей, что расположились вдоль бухты Врангель. Вся территория бухты была усеяна лагерями. На территории одних находились цеха по производству кирпича, другие специализировались на дорожных работах. В одной из небольших соседних бухточек за перевалом стояли скотобойни, там тоже работали заключённые. Всюду, куда уходил взгляд Синтаро, пока они ехали из Находки, маячили вышки с часовыми и колючая проволока. Их лагерь занимался заготовкой леса, а так же производством деревянных изделий. Барак, куда их привели, снаружи казался низким, с едва выделяющейся покатой крышей. Внутри он был тёмным и длинным, в двух местах его на опорных столбах, поддер-

живающих крышу, висели светильники; небольшие зарешёченные окна почти под самым потолком были покрыты белой изморозью, в полуметре от стен тянулись длинные ряды двухуровневых нар, между ними проход, выстеленный грубо обработанными досками, вышарканными добела. Над входом, прямо над головой, висели на стене два больших мужских портрета. В глубине барака толпились люди, закрывая собой железную бочку, от которой в крышу тянулась красная от жара железная труба. Это была печка, которой отапливался барак. Ещё одну железную печку они увидели в кабинете у Зверькова, где тот сидя за обшарпанным столом, заполнял какие-то бумаги, и после дал им в них расписаться. Синтаро долго не мог понять, что от него хотят, но потом поставил в нужном месте иероглифы своей фамилии, чем немало удивил Зверькова. Переминаясь с ноги на ногу, и поглядывая на своего друга, Синтаро в то же время изучал кабинет командира отряда. Его внимание привлёк стол, вернее шахматная доска с расставленными фигурами, рядом с доской алюминиевая кружка и пепельница в виде человеческого черепа. Над столом висела электрическая лампочка, тускло освещающая комнату, в углу одностворчатый шкаф. Рядом со шкафом невысокий железный сейф и кровать вблизи той самой печки, труба от которой тянулась не в потолок, а в форточку окна, где вместо стекла была вставлена жестяная перегородка. На печке шипел чёрный от копоти чайник. Стены комнаты были серыми, увешанными пожелтевшими плакатами.

Единственным ярким пятном кабинета был портрет человека с красивыми усами. Поймав заинтересованный взгляд новеньких, Зверьков важно произнёс, делая жест указательным пальцем в сторону портрета: – Это товарищ Сталин. – Закончив с формальностями, Зверьков крикнул в полуоткрытую дверь: – Дежурный, старосту отряда ко мне, живо. – Потом он налил в кружку из чайника, и, не спрашивая, сунул в руки Синтаро. – Согрейтесь, пей, не отравишься. Не обожгись тока, смотри кипяток. Но тебе в самый раз согреться.

Содержимое действительно оказалось горячим и очень терпким на вкус. – Ничё, ничё, – привыкайте к горькой жизни. Другой не будет ещё долго, – усмехнулся Зверьков, поглядывая на японцев.

Вошёл невысокий человек, с живыми колючими глазами, бородатый, как и большинство заключённых. Он некоторое время молча смотрел на Зверькова, потом словно нехотя снял шапку и доложил: – староста отряда заключённый Прахов по приказанию явился.

– Так-то лучше. Вот тебе на попечение новенькие, будут в твоей бригаде, вместо Новосельцева. Покажешь им всё, объясни, что да как. Объясни про распорядок, они же ни хрена не знают. Языка они пока нашего не освоили, так что прояви смётку, да что тебя учить. Отведёшь их в баню, а то смотрю, чухаются оба, что поросята. На пересылке где бы им. Вот пропуск на хозтерриторию. Гляди, чтобы до ужина успели.

Прахов недовольно взял бумажку и осмотрел Синтаро, за-

стывшего с кружкой, кинул взгляд на Изаму, не спеша напяливая на седую коротко стриженую голову вытертую ушанку: – Узкоглазых не хватало.

– Поговори ещё, «узкоглазых». Такие же люди, как и все. Скиньте с них телогрейки, пусть у буржуйки сперва погреются. Один-то околел так, что зубы, слышно, как стучат. Не привыкший, видать. И гляди, что бы их там не оставили без одежды, в бане-то. Там же вечно чесняги ошиваются, в гробу им место.

– Разберёмся. А другой ничего, красный от мороза. На китайца–то не больно, – усмехнулся староста, складывая пропуск, и пряча его во внутренний карман телогрейки.

– Японцы это, – сказал Зверьков.

– Пленные что ли? А чего к нам? Отправили бы к своим, не всё ли равно, где подыхать.

– Не твоего ума дело. Видать, не всё равно, раз в наш лагерь определили. Перебежчики это. В общем, обогрей их, накорми из пайка бригады, с дороги поди оголодали. У вас же на одного меньше уже. Не забудь занести их в именной список. А потом в баню. До вечера дотянут как-нибудь. Покажи им место, где спать, только не у входа, так надо.

– Ну да, к «иносранцам» у нас особое отношение. Кого прикажете подвинуть?

– Себя подвинь. Печёнкин лично придёт проверить.

– Ему больше всех надо, проверять...

– Жало прикуси.

– Будет сделано, товарищ бывший зэк.

Зверьков долго смотрел на старосту, желваки его скул несколько раз напряглись, он прошёл к двери и плотно закрыл её. – Может, сядешь на моё место?

– То-то, что сядешь. Своё готов отдать за так.

– Иди, Юрьян, без тебя тошно на душе. И Байрака скажи, чтобы отыскали, им же постелить надо чего-нибудь. Не на голых же досках. Пусть поищет. И пусть не жмотится, они хоть и зэки, но всё ж японцы, не привычные ещё к нашим условиям.

– Ага, и бабу из женской половины прислать, для обогрева, – предложил Прахов и весело рассмеялся. – Нанайку, – добавил Зверьков. – Лысую – вставил староста, заражая своим смехом новеньких.

– Ох и язык у тебя Юрьян, что балаболка. – Всё, свободен.

Когда они наконец-то согрелись у железной печки, давая всем, кто находился рядом, как следует себя рассмотреть, их завели в каптёрку, и там выдали нательное бельё, чёрную грубую одежду, робу, с номером отряда на спине и рукавах, большие валенки, портянки и грубые рукавицы. Кладовщик, мордатый украинец по фамилии Байрак, всё время удивлялся, уверяя старосту, что на его веку такое впервые, чтобы новоприбывших так по-королевски встречали. Потом он залез под самую крышу, где пряталась маленькая дверца на чердак, и скинул оттуда два пыльных тюфяка, набитых соломой, две подушки и простыни. Были ещё и одеяла, тоже

очень пыльные и тонкие от времени. – Ну, вы хлопцы, як у герцога англійського в гостях. Ось вам и матрац и подушки пид голови... Як панов одягли. Клопив тильки не дали, дак они сами приповзуть.

Потом была баня, холодная и пустая, с деревянными лавками, ледяным полом, выстланным серой стёртой до бетона плиткой, и чёрным влажным потолком, с которого всё время падали холодные капли. Банщик, долго упрямылся, не желая открывать горячую воду и пар, но под давлением Прахова, всё же, согласился. Освободившись от грязи, и пропотев в парной, где от пара ничего не было видно, а затем переодевшись в чистое бельё, Синтаро почувствовал такую лёгкость, какой не было в его теле с того времени, когда он жил в Японии. На обратном пути в отряд Синтаро спросил: – Ка то такаи чесаняга? Эта уголовики?

Немного поразмыслив над словами, Прахов с удивлением посмотрел на японца; он даже остановился и усмехнулся. – Далеко пойдёшь, узкоглазый.

Услышав хорошо знакомое слово, Синтаро, как и его друг, заулыбался: – Япона мать, узыкоглазя, – уже привычно произнёс он кивая головой. Прахов весело расхохотался и хлопнул Синтаро по плечу, да так сильно, что тот едва удержался на ногах:

– Да ты неплохо соображаешь. Чувствую, мы поладим. Одно советую, держись подальше от этой своры, понял? Суки, чесняги... Мразь это, в гробу им место. Усёк?

Синтаро переглянулся с другом и кивнул головой. Слово усёк он уже успел усвоить ещё в следственном изоляторе, но как разобраться с тем, от кого всё таки надо держаться, это был ещё вопрос будущего.

Таким был их первый день в лагере.

Утро всегда начиналось с умывания, потом одевались, заправляли постели, и строем шли в столовую на завтрак, после чего весь отряд выстраивался вдоль нар посреди барака, и происходила поверка и развод на работы. По лагерю можно было ходить только в сопровождении бригадира, или под конвоем. У каждого отряда были свои конвоиры.

Рабочий день длился десять часов, куда входил перерыв на обед и короткий отдых. Все бригады в отряде имели два режима работы, половину месяца работая в лесу, на валке деревьев, другие две недели на пилораме. Таких пилорам было три, все они примыкали к большому расчищенному участку, куда из тайги свозили свежеспиленные брёвна. Их сволакивали в отдельные кучи по категориям, породам и длине, и уже из таких куч вытягивали по одному, закатывая на эстакаду. Работа отнимала много сил и требовала большой ловкости и быстроты, от чего все, кто работал, забывали о холоде: от людей валил пар, непрерывно слышались маты и весёлые шутки.

Цех, где распиливались брёвна, напоминал длинный и низкий сарай, сколоченный из грубых необработанных досок. В него с улицы подавались брёвна. Две небольшие те-

лежки по рельсам выкатывались за ворота, а затем на них грузилось бревно, толстым концом вперёд, ворота тут же закрывались, и бревно с помощью зубчатых валов медленно начинало затягивать в пилораму. Большие вертикальные пилы распускали бревно на доски и квадратные брусья или шпальник, как выражались сами зэки. Приводил в движение пилу дизельный генератор, который находился в торцевой стене, в отдельной пристройке. Распиленные доски грузились на другую тележку, снова открывались ворота, доски увозили для складирования, одновременно затягивалось следующее бревно. Распиленные доски укладывали рядом с цехом в штабеля для продува, а затем, после двух недель вылёживания их грузили на машину и увозили на сушку. Это была тяжёлая монотонная работа, с раннего утра и до ночи. Из тайги брёвна притаскивали трактором по несколько штук, собирая из них большие скирды. Зимой, когда дороги хорошо накатывались, пользовались ЗИСами и Студебекерами, приспособленными возить лес. Скирды иногда разваливались и бревна раскатывались в разные стороны. Одно такое бревно в первый же день едва не задавило Изаму, его спасло то, что рядом находился Прахов, он закричал «берегись!», и только это спасло Изаму от верной гибели. Прахов почему-то сразу же взялся опекать японцев, много с ними говорил, объяснял как надо вести себя на объекте, что делать. Юрьян объяснил, как работает пилорама, как выставляются пилы, откуда берётся ток для работы пилы. Он по несколь-

ко раз повторял слова и заставлял повторять своих подопечных. Юрьян рассказал, что в лагере с недавнего времени появился свой магазин, где за безналичные деньги можно было приобрести различный товар – зубные щётки, махорку, мыло, бинты, спички, пуговицы, шнурки и прочую бытовую мелочь, даже чемодан. Был и продуктовый отдел, где для эков продавались сыр, колбаса, солёная рыба, масло... Но чтобы купить всё это, нужны были трудодни и выполненная норма, должно было пройти какое-то время, чтобы на счету появились деньги. Был ещё клуб, где раз в месяц показывали кино, и где силами самих заключённых по праздникам устраивались концерты. Все эти новшества появились благодаря появлению нового начальника лагеря Печёнкина. Юрьян как смог объяснил, что благодаря Печёнкину удалось приструнить уголовников, и навести порядок в лагере. То, что было до него, Юрьян даже не хотел вспоминать. Синтаро с трудом осознавал смысл этого явления, но хорошо понял, что жизнь в лагере совсем не похожа на то, что он видел в «транзитке». Здесь было трудно, каждый вечер, придя с работы, они с другом обессиленные валялись с ног, но при этом не было страха. Когда они оказывались в бараке, Юрьян учил друзей подшивать валенки, сушить мокрое от пота бельё, показал, как надо чинить порванную рабочую одежду, где хранить иголку с ниткой. В промежутках между работой он делал вар из древесной смолы, и заставлял его жевать. От клопов он дал сухую траву с едким запахом, назвав её полынью. Поначалу

запах не давал уснуть, но это было лучше, чем ужасные невидимые насекомые, сосущие кровь. Полыни у Юрьяна было много, целый мешок, и он заставлял её не только подкладывать в одежду, но и жевать, объяснив, что в животе от плохой еды могут завестись черви, а полынь их изгоняет. Когда их возили в лес, Юрьян показал, как собирать смолу. Оказывается, её можно было есть, правда понемногу. – Это, паря, живица, – не спеша говорил Юрьян, – не будешь жевать её, останешься без зубов. Полынь жуй почаще, тогда глистов не будет, а хвоя для желудка полезна. Сначала просто поддержи во рту, чтоб размокла, а потом жуй, медленно. Жуёшь, и жрать не так хочется.

Отработав две недели на пилораме, бригада перемещалась на полмесяца в лес. Под надзором двух конвоиров в четыре часа утра заключенные усаживались в большие сани, сделанные из брёвен с дощатым настилом поверху, и долго ехали по заснеженной лесной дороге. Езда отнимала много тепла и времени, но зэки были рады, такому путешествию. Некоторое время люди ещё спали, плотно прижавшись друг к другу, но с первыми лучами зимнего солнца народ начинал шутить, кто-то мог запеть весёлую песню, травили анекдоты, не обращая внимания на охрану. Прибыв на место, звеньями разбредались по деляне в поисках отмеченных деревьев, и до самой темноты пилили вручную, лишь один раз делая перерыв, чтобы поесть. Это была тяжёлая и опасная работа, когда дерево могло придавить толстыми сухими сучьями, или уда-

ритель отыгравшим, словно пружина, комлем. Падая на землю, ствол изгибался дугой, и куда могла быть направлена сила этой пружины, угадать было трудно. В таких случаях люди просто бросали пилу и отбегали на несколько метров. Падающие кедры вызывали у Синтаро и восторг и страх одновременно. На воздухе среди деревьев, даже в сильные морозы, Синтаро чувствовал себя свободным, порой забывая, что он заключённый. Работа так захватывала его, что когда ударяли по железной трубе, служившей сигналом конца смены, он с большой неохотой бросал работать, и был всегда в числе последних, кто подтягивался к месту сбора.

На пилораме Синтаро работал без особого энтузиазма, и всегда с нетерпением ждал, когда их повезут в лес. В одну из таких смен с Изаму случилось несчастье. Тогда он только осваивал работу с инструментом, главным из которых был обычной топор. Ещё не успев как следует разогреться после саней, на первой сваленной ели он промазал по сучку, топор отыграл, и со всего маху угодил острым лезвием прямо по ступне, разрубив старый исхудавший валенок, а вместе с ним и большой палец ноги. На его крик сбежалась почти вся бригада. Никто не знал что делать, в том числе и охранники, поскольку смена только что началась, а гнать трактор по тайге обратно в лагерь из-за одного раненного зека они просто боялись; трактор был нужен на поляне. Когда с ноги стащили валенок, вся портянка на ноге Изаму была красной от крови. Кого-то затошнило, в том числе и Синтаро. Его охватил

страх и отчаяние. Все, кроме пострадавшего молчали, кто-то даже снял с головы шапку, словно соболезнуя преждевременной смерти новенького.

– Ну чего столпились как бараны, – заорал неожиданно Прахов, пробираясь сквозь толпу. Он был бригадиром, и естественно, головой отвечал за выполнение плана. – Поминать бабку будете на пенсии, если доживёте. Взяли инструмент, и по местам. За простой по голове не поглядят! В штрафники захотели?

Через минуту рядом оставался лишь Синтаро, сам Юрьян и один из охранников. Синтаро растерянно смотрел то на корчившегося друга, то на бригадира, выискивая в памяти нужные слова. – Кровь, кровь! Он от крови умрёт! Что будет? Юрьян, надо делать!

– Не ори, – грубо перебил его Юрьян. – Бегом к саням, там в сундуке соль. Неси всё, что есть, и посудину какую-нибудь захвати, котора побольше. Миску, тарелку. Понял? Давай быстрее, ну чего уставился как баран! Бегом, бегом!

Синтаро ещё не успел скрыться, как Юрьян скинул с себя телогрейку, а затем и исподнюю рубашку, некоторое время оставаясь по пояс голым на двадцатиградусном морозе. Он ловко оторвал от низа рубахи несколько длинных полосок, даже не обращая внимания на холод. Пока он готовил бинты, охранник накинул ему на плечи телогрейку. – Браток, у тебя нитка есть? – обратился к нему Юрьян, не скрывая волнения, и косясь в сторону убежавшего Синтаро. – Нитка,

обычная нитка. У вас же в шапке по уставу положено иметь нитку с иглкой. У меня как на грех нет, вчера дал, да не вернули. Выручай братишка, жаль ведь парня, без ноги может остаться.

Когда вернулся Синтаро с солью и алюминиевой миской, Юрьян успел расчистить стопу от свернувшейся крови. Из раны сочилась кровь, но поскольку тело Изаму было холодным от долгой поездки, кровотечение было не сильным. – Разожги пока костёр, не путайся под ногами, – командовал Юрьян, обращаясь к Синтаро. – Шевелись, иначе твой друг окоченеет. А потом собери живицы, вон с той пихты, только живо, живо! Возьми банку консервную, снегом почисти, и прокипяти. Много не сыпь, на доньшко, чтобы пропарило, а то до вечера не нагреешь. Наскреби смолы и нагрей. Крышку банки на палку накрути, чтобы не обжечься.

Костёр уже пылал, когда Юрьян ниткой не туго перемотал рассечённый ровно по вдоль палец, соединив две половинки, а затем поместил ступню в миску, пересыпал рассечённый палец солью, и там держал его, пока кровь полностью не остановилась. Всё это время Синтаро не находил себе места от трясушки, но при этом тщательно исполняя все команды бригадира. Часовой всё это время с любопытством наблюдал за всеми, и курил, грея руки от пламени костра.

Когда смола нагрелась, превратившись в густой кисель, Юрьян вылил всё содержимое на палец, подложив под него кусок бересты, и тут же перемотал бинтами. После этого ногу

поместили в валенок, предварительно разрезав его по вдоль. Всё это время Изаму лишь стонал от боли, лицо его было бледным и мокрым от холодного пота. Если бы не костёр, то он мог быстро замёрзнуть, и для Синтаро было удивительно осознавать, как Юрьян мог всё это предвидеть, и так быстро принять нужные решения. После проведённой операции, он в телогрейке, с разорванной рубахой, проработал до конца смены, и когда все грузились в сани, был разгорячённым и почему-то довольным. Изаму до погрузки просидел у костра, самостоятельно поддерживая его сухими ветками, которых натаскали зеки: так распорядился Юрьян. А вечером в отряде он был под пристальным вниманием товарищей, кто-то даже шутил, предлагая сделать костыли. Его хлопали по плечу, всё ещё бледного от пережитого шока, говоря, что это боевое крещение, и если палец не срастётся, то у него будет не пять, а шесть пальцев. Синтаро показалось, что после этого случая к ним, стали относиться по-другому, больше замечали, шутили, давали советы, если это касалось работы, особенно Юрьян. Через две недели, на удивление всего лагеря, палец сросся, и Изаму вышел на работу, всё это время проводя в бараке на должности дневального.

К концу зимы Синтаро уже сносно говорил по-русски и почти всё понимал, особенно когда кто-то ругался. Брань возбуждала его и вселяла надежду на то, что всё окружающее его великая мистификация, а народ вокруг притворяется. Но однажды ему пришлось осознать, что мир вокруг настоящий

и может его раздавить, как мелкое насекомое. В конце смены, когда он остался один в цехе, к нему подошли трое. Это были недавно прибывшие в отряд уголовники, имевшие статус «сук». Синтаро уже хорошо усвоил, что в лагере есть два вида уголовников: так называемые «чесняги», те кто ни при каких обстоятельствах не работал, паразитируя на безвольных заключённых. Другие относились к «сукам», которые не чурались работы, но делали её из рук вон плохо, выполняя дневную норму за счёт других, и получая за это трудодни. И у тех, и у других на счету были деньги, на которые они отоваривались в лагерном магазине и жили припеваючи. Однако, между ними существовала неприкрытая вражда, доходившая порой до поножовщины, которая прекратилась лишь с приходом нового начальника лагеря. В отряде «суки» держались особняком, работу не любили, используя любой повод, чтобы остаться в бараке, и выискивая среди окружения отщепенца, чтобы притянуть к себе, а затем незаметно сесть ему на шею, а если можно, опустить. Если таковой отыскивался, то они незаметно превращали его в раба. У уголовников водились немалые деньги, за которые охранники через проволоку проносили им курево и спиртное.

– А ты чего, парниша, так усираешься? От работы конидохнут. Ты же не лошадь, а? – с ходу начал подошедший со спины Холод.

– Он не лошадь, он ишак, – пошутил один из дружков по кличке Стул. Компания рассмеялась. В отряде Холода никто

не любил, но многие заглядывали ему в рот, и ловили каждое его слово. Не было такой компании, в которой он не смог бы втереться в доверие. Однако, вскоре эта компания разваливалась. Когда он улыбался, то никто не мог понять, что на самом деле в голове у этого человека, добрая мысль или подлость. Обнажив ряд золотых зубов, и поглядывая то на Синтаро, то на работающую пилораму, он чинно потягивал папиросу, потом смачно сплюнул.

– Как жизнь, япона мама? Не грустно, вдали от родины? Так грустно, что перекурить некогда. План выполняешь, поди, на все сто.

– Нормально, – буркнул Синтаро, стараясь не смотреть на ухмыляющихся гостей. Дружки переглядывались и чего-то ждали от своего командира.

– Ты, япона мать, кого из себя строишь? Матёрого из себя возомнил. Первым не здороваешься, а на работу бежишь впереди всех. Перед начальством, что ли, выпендриваешься?

– Он, наверное, на родину с медалью решил вернуться, – снова нашёлся Стул.

– Ну да, с орденом Сутулова, – ехидно ухмыляясь добавил Холод. – Знаешь, кому такой орден дают? – спросил он, поворачиваясь к дружку. – Стул, покажи, что такое Сутулов, это по твоей части.

Стул согнулся в три погибели, изображая инвалида, вызвав новый прилив нездорового смеха.

– Вчера два плана выдал? Позавчера... Теперь нам в пример тебя ставят, что мол косоглазые всех обогнали. Мы брёвна не успеваем трелевать, а на кой хер, спрашивается. Смейкай, япона мать, что к чему.

Пила продолжала работать, и один из дружков бросил в неё старую телогрейку, на которой обычно сидели рабочие во время перекура. Телогрейку тут же зажевало в раму и разбросало клочками в разные стороны. – Гляди, не заработайся, а то ноги подкосятся от усталости, и в пилу вот так зажуёт. Придётся твоему дружку отскребать от досок тебя, чтобы на родину везти.

В этот момент появились Юрьян и Изаму, закатывая в цех бочку с солярой, для дизеля. В расстёгнутой телогрейке, с открытой шеей, Юрьян неторопливо обошёл пилораму, оглядывая разбросанную вату. – Кто пилу засрал? Телогрейку испортили, сукины дети! Нахрена? – грубо начал Юрьян, схватывая каждого своим колючим взглядом. – Холодрыга, тебе чего тут надо? У тебя работы, что ли, нет? Вон трактор... Иди и ковыряй его, и нехер тут своими золотыми фиксами светиться. Не хочешь работать, тогда иди к чесням. И не путай людей. Убирать тут за всеми рук не хватит. Ты их, Мишка, не бойся, они только понт нагоняют, я этого брата знаю.

Холод сплюнул бычок и усмехнулся. – И где же ты моего брата узнать успел? Сидел, что ли? Может, ты в законе?
– Топай отсюда, в законе... Пока самого в пилу не заже-

вало, вместе с дружками.

Мужики уже собрались наседать, но Холод остановил их. Он почти вплотную подошёл к Юрьяну, демонстрируя всем своё превосходство в росте, при этом избегая прямого взгляда Юрьяна, словно глаза того обладали свойством обжигать. Возможно, так оно и было, поскольку когда Юрьян смотрел в упор, никто не выдерживал его взгляда дольше одной секунды.

– Моё дело предупредить, Юрьяша, а там поглядим ещё, кого первого затынет, – ухмыльнулся Холод, в то же время обращая свой взгляд не к нему, а к своим дружкам. – Срок-то длинный, а тайга большая, неизвестно, где наши тропочки пересекутся. Смотри под трактор не поскользнись.

Всю троицу недавно перевели из другого отряда, из-за того, что на участке не хватало трактористов, и теперь они собирали вокруг себя всех, кто любил весёлую жизнь, подкупая сначала куревом, а затем и выпивкой. Даже Изаму незаметно для себя попал под обаяние разбитного Холода, научился курить, и частенько оказывался с ним в одной компании, играя в карты, правда, теперь, стоя за спиной Юрьяна, он выглядел растерянным.

Придя в барак вечером, Синтаро, увидел, что на его нарах лежит Холод. Тот, казалось, спал, и не слышал, что над ним собралось несколько человек. Потихоньку народ стал посмеиваться. Лежать обутым на нарах запрещалось, но Холода, как видно, этот запрет не волновал.

– А ты, Мишаня, приляг рядышком, – посоветовал один из дружков Холода по кличке Мазута. – Вдвоём-то теплее будет.

Неожиданно толпу раздвинул Юрьян. Оглядев, можно сказать, в упор пристально каждого, он словно выстроил защитную стену между собой и уголовниками. – Значит, решили поломать парня?

– Не встревай, Юрьян, не твоё дело, – возник из толпы Стулов. – Тебе какое дело до этого узкоглазого? С какого хрена он тут место занимает? Чтобы такое тёплое место получить, нужно вес иметь. То ли дело дружок его, Изама, парень свой. А этот, перед начальством выслуживается что ли? Ударник комтруда.

– Кому нести чего куда, – вставил Мазута, провоцируя народ на непринуждённый смех.

– А потом в медпункт к полячке бежит по пустыкам, ах заноза у него в жопе застряла. Вон, пусть крайнюю шконку занимает у входа.

Народ расхохотался, в то время как Юрьяну было не до смеха, как и самому Мишке.

– Ну что, япона мать, скажешь? Два плана нагора каждый может давать, только кому из нас это нужно? Ты спросил у людей? – не унимался Стул.

– Ты кто тут такой? Что бы обвинять, – перебил Юрьян. – Твоё дело, Стул, чужие задy нюхать. Может, твою фотографию ещё среди тех портретов повесить? Посерёдке. Закрой

пасть, и жди когда скажут говорить. А с него есть, кому спросить, – стоял на своём Юрьян, не отступая ни на шаг, и незаметно отодвигая всех от нары, где лежал Холод. – Серёжа, не буди лиха, – вкрадчиво продолжал Юрьян. В ответ на это Холодрыга приподнялся на локте, и глубоко зевнул, чинно устраивая свой зад на новом месте, давая всем понять, что теперь это место его, при этом оставляя на лежанке грязь от своих сапог.

– Вот именно Юра, не буди лиха, пока оно тихо. Ты мужик неглупый, тебя многие уважают в отряде, ты староста, и я с этим считаюсь. Но и ты меня уважь. Норму я выполняю, в лагере все это знают. Я человек с авторитетом, жизнь повидал. И страх наводить не надо. Мы пуганы. Ты отдыхай Юрок, твоя смена закончилась. А с япошкой я как-нибудь сам разберусь.

– Про медичку пусть расскажет, – воскликнул кто-то из толпы.

– Вот-вот. Пусть он нам всем про медичку расскажет. Говорят, у полячки рука лёгкая, уколы не больно делает. Хороша бабёнка, а, япона мать?

Со слов Холода ситуация складывалась не в пользу Мишки. Народ одобрительно посмеивался, все попеременно поглядывали то на Холода, то на Япона-мать, то на Юрьяна, ожидая развития событий, и предвкушая развязку. Синтаро уже сжал кулаки и готов был кинуться на Холода, но Юрьян остановил его.

– Погоди, паря, не спеши, – придержал его Юрьян. – Смотри лучше, и мотай на ус. Мы сами разберёмся. Не так ли, Серёня? Ведь ты сделал мне вызов, если я правильно понял тебя. Я ведь староста, и должен следить за порядком в отряде. Мне за него ответ держать перед десятником. И вот я вижу, что некто наплевал на правило, и залез своими грязными копытами на постель. Этак если все начнут? Свиначник получится. Говоришь, жизнь повидал. А видел ты, Серёня, когда-нибудь в местной тайге тигра? – медленно продолжал Юрьян, мягко раздвигая толпу. – Знаю, что не видел, ты и в лес-то боишься ходить, больше на тракторе раскатываешь. В этой тайге полно тигров. Я убил одного нынче летом, народ не даст соврать. Повадился на деляну котяра рыжий, здоровый такой, одного дружка моего утащил. Людоед. С такими шутки плохи. Зверь он ведь как... Если один раз человечинки попробовал, то уже не отвадить. Пришлось его убить. Но это что... На фронте я на железного тигра ходил в одиночку, и как видишь, живой. И такие, как ты, для меня вроде мышей кажутся, я их не то, что не боюсь, даже в упор не замечаю. Сами из-под сапог разбегаются, только треск стоит, когда наступишь. Я когда во вражеском окопе оказывался во время атаки с одним ножичком... Там винтовка уже только мешает. Так немцы при виде меня как мыши разбегались, только писк стоял. Я их штабелями клал. От меня даже командиры шарахались после боя, потому как весь в крови был. Ходишь, закурить просишь, а с тебя кровь

капают ещё, и никто понять не может, чья это кровь. То ли моя, то ли фрицев. Пока ты на рынке у людей карманы потрошил, квартиры грабил, я фрицев на тот свет отправлял пачками, нашу землю освобождал от нечисти. И тут ты, авторитетный, весь блестящий от сала и солярки, своими наколками на понт молодых пацанов взять хочешь. Меня страшашь. И где вас таких откармливают?

В полумраке холодного барака голос Юрьяна казался до странности тягучим и завораживающим. Никто и не думал перебивать, или встречать, а от последних слов народ и вовсе притих, и сам Холод уже не улыбался и не высвечивал золотыми коронками, и тоже растерянно смотрел на Юрьяна, уже не зная, как себя вести дальше. Рассказ Юрьяна привлёк всё внимание окружающих, а сам он тем временем продолжал говорить, словно гипнотизируя, как удав свою жертву, в то же время без лишней суеты вытаскивая из-под нар грубо обработанный нож. – Вот этим тесаком я его убил, тигра того, точнее добил, когда он в петлю попался. Больной, видать, был, раз на человечину потянуло. Сидел в ней неделю и кидался на всех, кто мимо проходил, вот как ты сейчас. А что толку, зубы скалить, тросик-то не порвать, как не старайся. Ты, видать, тоже больной, если тебя так тянет на людей. Без крови людской не можешь. Принеси-ка Миша со столба лампу, света что-то маловато. – Юрьян принял из рук Синтаро керосинку, сделал огонь ярче и стал на глазах у всех нагревать кончик тесака через верхнее отверстие стек-

ла. – Это, Серёжа, чтобы микробов не было, для дезинфекции, хотя для твоей откормленной жопы это не обязательно, – пояснял Юрьян, возвращая Мишке лампу.

– Ты что удумал, Прах? Ты это, кончай, за такое и срок можно... – Холод не договорил и словно ужаленный слетел с нар, порываясь спрятаться среди своих дружков, но Юрьян молниеносно оказался рядом с его спиной, быстро обхватил его одной рукой за шею, а другой всадил кончик зажатого в кулаке лезвия в зад. Удавка его руки была такая сильная, что Холод даже не мог кричать, он лишь хрипел.

– Только дёрнись, сука подзаборная. Вмиг распорю твою сраку, что никакой хирург не сошьёт. Артерия-то рядом, дёрнешься, и считай труп. Ты не думай, мне не страшно за такого гада, как ты, срок тянуть, годом больше, годом меньше. А за тебя так и вовсе, могут скостить срок. – Он приподнял Холода, и под общий вздох бросил на пол. Во всех его движениях действительно угадывалось что-то от оскалившегося тигра. Ладонь его кровоточила, но это нисколько не заботило Юрьяна, казалось, ещё секунда и он добьёт Холода.

– Ну ты пожалеешь, ну ты долго будешь жалеть. Ты мне за это ответишь, – сквозь зубы грозил Холод, с трудом поднимаясь с пола, и держась рукой за раненный зад. Толпа некоторое время безмолвствовала, а затем взорвалась смехом. Кто-то похлопал Юрьяна по плечу, его обступили товарищи, ограждая от возможного нападения других уголовников.

– Скажи только где? Но чтобы без свидетелей. Чтобы ни-

кто не узнал, где я тебя закопаю, – спокойно ответил на угрозу Юрьян, протирая своё оружие. – Одной мразью станет меньше.

После этого случая Изаму уже не путался среди друзей Холода, и сам Холод становился в присутствии Юрьяна тихим и незаметным. Случай с тигриным зубом показал всему народу, населявшему барак, что сила уголовников в страхе и разобщённости людей. Влияние и авторитет Юрьяна были неоспоримы, и все, кто раньше держался его стороной, прикнули к нему и поддерживали, если того требовала обстановка. Конечно, в отряде понимали, что Холодрыга просто так не забывает обиды. Поговаривали, что он ищет удобного случая, чтобы отомстить Юрьяну. Правда, этого ему так и не удалось сделать, – во время ремонта сцепки, с помощью которой крепилось бревно, его трактор сорвался с тормоза и наехал на Холодрыгу всей своей массой. В самый последний момент Холод успел выскочить из-под гусеницы, но одна нога всё же осталась под ней; крик его был слышен по всей территории лагеря. Ему ампутировали ногу по самое колено и, как непригодного к работе, освободили от оставшегося срока. В последний день пребывания в лагере Холод попросил, чтобы друзья на носилках принесли его в отряд. Там бледный, с тяжёлыми каплями пота на лбу, он с трудом поднялся, опираясь на новые костыли, снял шапку, и как мог, низко поклонился перед зэками, прося у всех прощения. Все сочувственно молчали, кто-то даже заплакал. Таким было про-

щение с самым жестоким и коварным человеком в отряде. Глядя на его горе, зла уже никто не помнил.

Печёнкину позвонили, когда он собирался делать плановый обход лагеря. После недолгой паузы, он снял трубку, и коротко ответил: «Печёнкин, слушаю».

Звонили из Владивостока. Это был уже второй звонок офицера разведки майора Вязова. Дело, о котором говорил Вязов, было странным. Необходимо было наблюдать за двумя заключёнными и, смотря по ситуации, следить за тем, чтобы с ними ничего не случилось, пока они находятся в заключении. Сложность состояла в том, что об этом никто не должен был знать, ни эти двое японцев, о ком пёкся Вязов, ни тем более остальные зэки. Конечно, Печёнкин понимал, как тяжело приходилось заключённым в неволе: терпеть зимы, голод, условия быта, и всё же, такого, как в тридцатые годы уже не было. Он потратил немало времени и сил на ревизию личного состава охраны лагеря, отчего уже почти не наблюдались издевательства. Насколько было возможным, очистил лагерь от уголовников. Может, поэтому за последний год не было зафиксировано ни одного побега. Условия работы были тяжёлыми, но как стало понятно, не этого люди боялись больше всего. Как и в любом сообществе, основная масса заключённых выживала за счёт объединения в группы, деля поровну все невзгоды и радости. Но были и такие, кто предпочитал жить за счёт слабых, и не способных посто-

ять за себя. Выжить в таких условиях мог тот, кто вовремя находил себе единомышленников, близких по духу, крови, и по силе. Как могли в таких условиях проявить себя японцы, Печёнкину пока было неясно. Судя по рассказам, тех же охранников, или докладам командира отряда, беззащитными назвать их было нельзя, хотя, в помощи они, конечно же нуждались. Именно это, – простую поддержку со стороны близкого окружения и надо было организовать. Всё остальное зависело уже только от самих японцев.

– Значит, япона мать.

– Совершенно верно, Илья Ильич. Так их и называют в отряде, да и во всём лагере. Они вроде любимчиков у нас в лагере, даже щёки отъели, – не скрывая удовольствия докладывал Печёнкин.

– Ну, вы там их особо не балуйте, чтобы служба мёдом не казалась, – говорил Вязов. – Хотя, признаюсь, мне приятно слышать такие новости, и, Михал Семёныч, – голос в трубке ненадолго умолк. Печёнкин взял карандаш, и в ожидании стал чиркать по листку бумаги разные фигуры. Потом, глядя на них, он без труда вспоминал содержание любых разговоров, в том числе и телефонных. – Возьмите под собственный контроль работу по их идеологическому воспитанию. Песни, кинофильмы, самодеятельность... Я понимаю, что исправительно-трудовой лагерь не самое лучшее место для идеологической пропаганды, но эти двое нам очень интересны. Я знаю, что в вашем лагере неплохая самодеятельность. Через

некоторое время необходимо, чтобы они были готовы к тому, что мы предложим. Если мне не изменяет память, у них по пять лет? Так долго мы, конечно, ждать не можем, время требует ускоренных действий, но и бежать впереди лошади нам тоже не стоит, и от вас многое зависит. Вовлекайте их в общественные дела, больше свободы, инициативы. Поставьте рядом верного человека, желательно из своих, заключённых, пусть приглядывает.

– Это мы уже сделали после первого вашего звонка, товарищ майор.

– Вот и замечательно, Михаил Семёнович. Да, и фотографии вы получили, надеюсь? Вот и славно. Тогда успехов, полагаюсь на вашу ответственность и сообразительность. Кстати, вопрос о вашем переводе уже прозвучал, но пока вы нам нужны именно там, у себя, так что, потерпите немножко. Послужите на благо отечества. Честь имею.

В трубке послышались гудки. Эти «честь имею», «благо отечества», было отличительной чертой майора Вязова. Не всякий военный мог позволить себе выражения в духе бывшего белого офицера, и нечасто офицеры ГРУ звонили в лагерь и интересовались простыми зэками. За три года работы в лагере Печёнкин перевидал разных людей, он давно понял, что все они, как и он сам, выживают, не больше и не меньше, с той лишь разницей, что на одних была надета форма, а на других роба. Его жизненный опыт подсказывал, что не смотря на положение, и где бы человек не находился, за про-

волокой, или вне её, одни действовали за страх, а другие за совесть. Вязов относился ко второй категории людей.

Печёнкин положил трубку и вызвал дежурного. – Позови-ка милейший. – Он осёкся, поймав на себе влияние только что прошедшего разговора. – Старшина, найди мне из шестого отряда Идзиму.

– Слушаюсь. Это того, что японка мать? А второго?

Печёнкин ненадолго задумался: – Второго не надо. Выполний.

Когда дежурный ушёл, Печёнкин достал из ящика стола пачку фотографий и стал перебирать их. Это были качественные чёрно-белые снимки, пришедшие на его почтовый ящик от Вязова. Фотографий было около двадцати, в основном виды разрушенных российских городов. Но были снимки, сделанные в Японии. Эти несколько изображений не давали покоя Печёнкину всё время, пока лежали в столе. Он ещё никому их не показывал, понимая, что любой неподготовленный мозг может вскипеть от одной мысли, что это возможно. Это были Хиросима и Нагасаки.

В бараке никого не было, все ушли на работы. Лишь один дежурный бродил по проходу с грубым веником. Синтаро сидел на нарах и смотрел в одну точку. Разговор в кабинете начальника лагеря потряс его. У Синтаро подкашивались ноги, пока он возвращался в отряд. Как такое могло случиться, думал Синтаро. Прошло столько времени, почти два года,

а он только сейчас узнал о том, что случилось в Японии. О том, что больше нет Йошико. Нет целого города, в котором она жила, нет её близких. Их больше нет, – повторял, словно заезженная патефонная пластинка Синтаро. Два года он жил надеждой вернуться домой и увидеть родных. Всё это время он жил надеждой на возвращение, на встречу с девушкой, которая жила в его сердце столько лет. Но в один момент всё исчезло. Перед его глазами всё время менялись картинки, это были лица его близких, море с рыбацкими лодками, сады, утопающие в розовых цветах... И среди всего этого перед глазами стояли развалины Хиросимы, города, где жила Йошико. Были и другие снимки, что показывал Печёнкин, на них тоже было человеческое горе, много горя. Он понял, что все его переживания и жалость к себе ничто в сравнении с тем, что могли пережить люди Хиросимы и Нагасаки, или любого русского города, где прошла война. Он посмотрел на свои мозолистые огрубевшие от работы руки и, обхватив ими голову, завыл. Потом, когда слёзы высохли, он подумал, что, может быть, именно это путешествие в Россию спасло ему жизнь, и что уже обратной дороги в прошлое для него не будет. А значит, прав был тот офицер, надо выбирать. Неожиданно его толкнули в спину. Он обернулся и очень удивился. Пока он сидел в полузабытьи, к нему вплотную подошли два рослых китайца, точнее, это были маньчжуры, которых в лагере называли не иначе как хунхузами. У них было нечто вроде артели на территории лагеря. Дер-

жались они замкнуто и сплочённо, поскольку и до лагеря были в одной шайке. Этим пользовалась охрана лагеря, держа одну их часть на территории, вроде заложников, другая половина в это время работала на деляне, одновременно промышляя зверем и снабжая солдат охраны мясом. Всем было выгодно: китайцы были относительно свободны и замкнуты в свою группу, а лагерники не беспокоились о том, что те могут сбежать. Хунхузы целыми неделями могли пропадать в лесу, и никто об этом особо не беспокоился, пока те сами не приходили, словно прирученные волки. Все они были осуждены за контрабанду и браконьерство, несколько лет промышляя в тайге пушниной, струёй кабарги, пантами оленей, женьшенем... Поговаривали, что они и женщин воровали. Вся добыча уходила в Китай. Их поймали на границе, окружив целый отряд, в котором было около полусотни вооружённых до зубов хунхузов. Теперь они работали, как и сам Синтаро, на СССР, валили лес. Сильные и выносливые, не знавшие, что такое холод и зной, они работали сучкорубами. В это время они должны были быть на участке, кромсая стволы привезённых из тайги хлыстов, и что они могли делать в рабочее время в бараке, Синтаро было непонятно. С ними он старался не общаться, поскольку японского языка они не знали, а по-русски едва говорили. К нему они всегда относились с презрением, и если бы не Юрьян, то неизвестно, дотянул бы Синтаро до окончания своего срока, или нет.

– Кы тебя базала есыта. Моя говоли, тивоя сымотри. Ты

япона ма не ходя медисыка Ядывига, – певуче произнёс один из китайцев, лукаво улыбаясь и щуря без того узкие глаза. Было непонятно, угроза это была или простой совет. Подавленное состояние вмиг улетучилось, Синтаро сразу понял, о чём идёт речь, и чувствуя тревогу, стал выискивать взглядом дежурного, но в отряде больше никого не было. Синтаро понимал, что китайцы здесь не случайно. Некоторое время он решал, на каком языке говорить с ними. Китайский язык он понимал, поскольку в лагере было немало китайцев, но говорил неважно.

– Не ваше дело, – грубо ответил по-японски Синтаро, вставая с лежанки. Фраза словно резанула по ушам китайцев, Синтаро прекрасно знал, как ненавидят они японскую речь. –Ещё я буду какого-то хунхуза слушать, – добавил он уже по-русски. В этот момент один из китайцев что-то горланно произнёс другому, очевидно переводя слова, глаза у обоих загорелись яростью, он резко схватил Синтаро за руки, хватка была железной. Другой в это время натянул ему на голову его же телогрейку. Синтаро пробовал кричать, и уже было вырвался, как в затылке что-то треснуло. Во рту сделалось сладко, и он понял, что его ударили чем-то тяжёлым. Несколько секунд мозг ещё работал, и перед глазами Синтаро поплыли окна барака, перегородки нар, потом пошли разные образы, он увидел тот день, когда они с братом Ючи пришли к Ли Вею за сахаром, светило яркое весеннее небо, а потом всё повторилось, и полёт в бесконечное небо,

и возвращение в брненное тело.

– Ну, давай, очухаешься ты, наконец, или нет? Япона твоя мать, пора бы уж прийти в себя.

Это было первое, что он услышал. Он ещё не открыл глаза, и был ещё там, в другом мире, но услышанная фраза словно втянула его в реальность, Синтаро открыл глаза. Ему стало обидно, что прервали его полёт. Он снова летал в прозрачном пространстве, и там, над искрящейся поверхностью земли ему ничего не надо было, он был счастлив и свободен. Вернувшись в обычный мир, он сжал зубы и застонал от обиды и боли.

– Ну, слава богу, в сознание пришёл.

Над ним склонялась Ядвига в привычном белом платке, с марлевым тампоном в руках. Позади стоял Юрьян.

– Может, нашатыря ему?

– Хватит, – заверила медсестра. Синтаро попробовал приподняться на локтях, но тут же в затылке резануло острой болью. – Лежи, бедовая твоя голова, – скомандовала Ядвига, придерживая его рукой.

– Что с моей головой? – морщась от боли спросил Синтаро, трогая руками забинтованную голову, одновременно осматриваясь в комнате.

– Молчи, не говори ничего. Цела твоя голова, жить будешь. Чудом не треснула. Чем тебя ударили? Ты что-нибудь помнишь?

– Не знаю, что-то из железа.

– Топором его, скорее всего долбанули. Обухом. Это ещё хорошо, что телогрейка смягчила удар. Могли и так треснуть. Считай, что повезло. Могли бы и на тот свет отправить, – размышлял Юрьян за спиной медсестры.

Синтаро вспомнил, как видел, что один из китайцев держал за спиной какой-то предмет, пока другой говорил с ним.

– Вот до чего доводит... – Юрьян не договорил, покосившись на Ядвигу. – Ну, ладно, пойду я, смотри за ним, дочка. Мне на смену, бригада ждать не будет. Будь здоров, Миха, выздоравливай поскорей, без тебя норму не выполнить.

Ядвига заперла за ним дверь, подошла к кровати и присела на край постели. – Больно? Потерпи, Мишенька. Видишь, чего стоит наша дружба, – заговорила она. Синтаро взял в руки её ладонь. – Не надо плакать. Слезы горе не легче, не лучше.

– Не помогут, – поправила Ядвига и негромко рассмеялась. Ты так забавно говоришь по-русски. У тебя красивый голос, бархатный. Но думаю, что ты этого не знаешь.

– Почему? – удивился Синтаро, поглаживая ладонь Ядвиги.

– Глупый мальчишка. Да потому что человек не слышит своего голоса.

– А что же он слышит?

– А слышит он голос... – Ядвига задумалась. – Ерунда всё это. Пока никого нет, давай поговорим серьёзно. Ты можешь слушать?

Синтаро кивнул, и снова почувствовал острую боль в затылке. – Я могу.

– Нам не надо больше встречаться, Миша. Не ходи сюда больше, иначе он тебя точно убьёт. У него столько своих людей в лагере, ты не знаешь. Я его боюсь Миша. И за тебя тоже боюсь.

– Бояться... – Синтаро задумался, вспоминая слова Ли Вея, что у жизни нет задачи расправиться с человеком, и все люди лишь её слуги, выполняющие роли. – Жизнь всего лишь испытание, – произнёс он слова Ли Вея. – Я всё понял. Бояться не надо Ядвига. Скоро мой срок окончится, и я тебя увезу домой в Японию. Вот увидишь.

Эти слова неожиданно вызвали в Ядвиге взрыв эмоций. Она вскочила и закрыла лицо платком.

– Господи, какая Япония? Тебя никогда не выпустят из этой страны, как и меня. Ты думаешь, почему я здесь, в этой тюрьме? Мне некуда идти, все дороги закрыты. Навсегда, понимаешь. Навсегда.

– Тогда мы будем жить здесь, в этой стране, в этой тайге. Где угодно. Везде есть, – Синтаро задумался, выискивая нужное слово, – везде есть... Везде есть хорошие люди. Солнца хватит нам.

– Да причём тут солнце? Причём тут люди?

В этот момент хлопнула входная дверь, кто-то зашёл в медпункт, слышались неспешные шаги. Девушка молниеносно повернула ключ в двери и прошла к шкафу, где хра-

нились медицинские принадлежности. Когда дверь открылась, она смачивала тампон раствором. В палату вошёл высокий сухощавый офицер в длинном белом полушубке, тщательно выбритый, от него исходил запах выделанной овчины. Сквозь этот запах несложно было услышать лёгкий шлейф спиртного духа.

– Я слышал, наш японский товарищ повздорил с земляками, – словно удивляясь собственным словам, произнёс офицер. Это был начальник продовольствия Векшанский. Он ухаживал за Ядвигой с того дня, как она оказалась в лагере. Ядвига приехала вслед за своим мужем, которого в числе нескольких офицеров генштаба обвинили в заговоре. Если бы это было в начале войны, то его сразу бы расстреляли, но в сорок четвёртом всем было ясно, что Германия уже сломлена, и кому-то просто мешал один преуспевающий штабной подполковник. Андрея Полянского привезли в лагерь в самом конце апреля, когда у всех людей с лиц не сходила улыбка, и светились в ожидании долгожданной победы глаза. Полянский ничего этого не видел. Оказавшись за проволокой, он понимал, что обратной дороги к той карьере, что светила ему в столице, уже не будет. Молодая жена, приехавшая вслед за ним, устроилась санитаркой в лагере, и пока муж был жив, она могла его видеть каждый день. Он приходил к ней в любое свободное время. Несмотря на то, что он был в числе осуждённых, отношение к нему со стороны начальника лагеря было благосклонным. Даже здесь, среди

бесконечного леса и нестерпимого гнуса и холода они были счастливы. Но счастье длилось недолго. В один из дней Полянского завалило кипой брёвен. Трактор, растаскивающий привезённый лес, сделал резкий разворот и задел скребком одно из брёвен, скирда поехала вниз, придавив Полянского. Он ещё жил несколько дней, но положение его было безнадежным, и все, кто выхаживал его, говорили, что человеку этому уже не жить, что если бы перевезти в город, то тогда, быть может, врачи и смогли что-нибудь сделать. Но здесь...

Она похоронила его на местном кладбище, среди неухоженных могил. Их было много, с камнями вместо памятников, с нарисованными на них звёздами и крестами, самых разных. На могилке Андрея был небольшой деревянный крест, его сделал из кедровой плахи местный житель дед Тимофей. Когда Ядвига осталась одна, Тимофей приютил её в своём доме. На краю посёлка у него была срублена небольшая изба с пристроенным амбаром, где он хранил свой скарб и таёжные трофеи. Так, в одной половине жила она, а в другой за русской печкой, Тимофей. Он редко бывал в посёлке, пропадая в тайге, а когда приходил, то всё время ходил по людям, помогая всем, кто его просил, избавиться от хвори. Он бы и мужа её выходил, так он говорил, но на тот момент его не оказалось на месте – был на охоте.

Когда она осталась одна, то вскоре к ней домой пришёл офицер, и предложил место заведующей медсанчастью. Он объяснил, что на большой земле нормальной работы ей не

найти, что её фамилия только будет вредить ей, и хорошо бы её сменить, и что лучше пока оставаться здесь. А когда всё утрясётся, он первый об этом скажет. Это был Векшанский. А ещё через месяц он пришёл к ней в медпункт с бутылкой шампанского и шоколадом и предложил переехать к нему на квартиру. Жил Векшанский на территории лагеря, в отдельном доме для офицерского состава. Его квартира, как и у начальника лагеря Печёнкина, имела отдельный боковой вход. Все знали, что начпрод второй человек в лагере после Печёнкина, но многие понимали, что это не так, что в лагере главный он. Понимала это и Ядвига. Не смотря на то, что начпрод был подчёркнуто вежливым и обходительным, она отказала ему, и с тех пор Векшанский не давал ей прохода, его визиты в медсанчасть были ежедневными, он подолгу мог сидеть в приёмной, и наблюдать за её работой. В этот раз всё повторялось как обычно.

– Вашему любимчику повезло, – спокойно произнёс начпрод, собираясь уходить. – Кстати, мы нашли виновных. К сожалению, простая бытовая разборка на фоне национальной вражды. Китайцы ненавидят японцев, а те, в свою очередь, китайцев. Замкнутый круг. Надеюсь, для вас это не новость. Полагаю, травма несерьёзная, и завтра снова в строй. Стране нужен план, а зэки должны работать, таков порядок. Мы все работаем на благо нашей великой страны, не так ли, милая Ядвига. Кстати, я по-прежнему, жду от вас ответа на моё предложение. Вы понимаете, о чем я? Или мне повто-

ряться?

Её никогда не волновала осведомлённость Векшанского в том, что между ней и Идзима Синтаро существовала симпатия, а с этого дня она ощущала нечто большее. Её не влекло к молодому японцу, нет, но когда он появлялся в санчасти, у неё менялось настроение, тяжёлые мысли исчезали, и она ловила себя на том, что общение с этим необычным заключённым снимает с души тяжесть, она забывала, что вокруг людские беды и несчастья. Вместо боли и страдания от юноши всегда исходило тепло и доброта. Когда он приходил за помощью, и держал на весу травмированные руки, стойко снося жгучую боль от йода, и когда пробегал мимо с другими заключёнными, одаривая её своей неповторимой детской улыбкой, она всегда испытывала радость. В нём таилась безграничная щедрость, и в то же время деликатность, чувствовалось уважение к ней, которое ощущала она когда-то лишь со стороны мужа. Среди множества людей, окружавших её в лагере, Синтаро с первого дня показался ей непохожим ни на кого другого. Была память, конечно, об Андрее, был и дядя Тимофей, немногословный и таинственный лесной человек, любивший её как родную дочь. Были люди в лагере, которым она была всегда рада и готова помочь, и если бы не они, то жизнь за проволокой была бы для неё невыносимой. Но этот юноша притягивал чем-то иным. В нём чувствовалось особое отношение к ней как к женщине. Было что-то по-детски ласковое, и в то же время постоянное, что впиты-

вается с молоком матери и не меняется ни при каких обстоятельствах. Он не был героем, но в его глазах она никогда не видела страха. Она незаметно привыкла к Синтаро, как и все называя его Мишей.

– Конечно, – согласилась она, оторвавшись от мыслей, и понимая, что пауза затянулась.

– Не понял, – растерялся Векшанский, стоя всё это время в проёме двери. – Что конечно?

– Мы все должны работать, не покладая рук, на благо нашей великой страны.

– Ах вот вы о чём. Не говорите чепухи, милочка. Вы ведь не русская, вы полька, судя по имени. А поляки всегда ненавидели всё, что связано с Россией.

Последняя фраза больно резанула Ядвигу. Она родилась в России, как и её родители, когда Польша была частью этой огромной империи, и прожила всю сознательную жизнь в Советском Союзе. Понимая русских людей, она была такой же, как они. Она любила Россию, но была и её родина, в её сердце, в памяти, где остались мать и отец.

... – Ну, так, я жду, дорогая моя Ядвига, и терпеливо надеюсь, – сказал на прощание Векшанский, закрывая за собой дверь.

Когда она вернулась к Синтаро, тот, приподнявшись на локти, смотрел в окно, наблюдая, как уходит начпрод.

– Это он, я знаю, – произнёс Синтаро. – Я знаю.

– Ты это о чём? Ты ложись, тебе нельзя напрягаться, Ми-

ша. Иначе в голову кровь пойдёт. Погоди, сейчас перевязку сделаю, вон снова кровь выступила.

– Это он.

– Что ты говоришь, Миша? Молчи! Молчи и никогда об этом не говори никому.

– Хорошо, буду молчать. Я всё понимаю. Но лучше, если бы они убили меня.

– Что ты такое говоришь! Миша! – Ядвига откровенно растерялась, уставившись на юношу своими огромными голубыми глазами. Ты в бреду, наверное. Тебя дома ждут, разве ты забыл? Мать, отец, твоя Йошико. Ты же сам мне рассказывал о ней. Я знаю, она дожждётся тебя, а ты выдержишь, если не будешь делать глупых поступков.

– Теперь уже не дожждётся, – отрешённо сказал Синтаро, и тут же спросил. – Это правда?

– Что правда? Я не понимаю тебя.

– Хиросима... Это правда, что её бомбили страшной бомбой?

– Откуда ты об этом узнал? – Ядвига растерянно села рядом с Синтаро и взяла его руку, сильно сжимая. – К сожалению это правда Миша. Это правда, – повторила Ядвига медленно отнимая руку.

На следующий день, когда Синтаро должен был снова идти в отряд, хотя повязка на голове всё ещё кровоточила, Ядвига снова осмотрела его. – Тебе нужно идти, но я буду просить, чтобы тебя оставили ещё на пару дней.

– Не надо, я здоров. Я хочу сказать тебе. Послушай. – Синтаро огляделся, и прислушиваясь к звукам за окном. Я ночью не спал. Думал о тебе, обо мне. О Йошико. Её давно нет, с тех пор как меня увезли на каторгу. Но я верил что вернусь. Это меня спасало от дурного поступка. Теперь я знаю, что судьба так спасала меня.

– Миша не надо, лучше не надо, – не скрывая волнения произнесла Ядвига.

– Так случилось, – тихо сказал Синтаро. – Он снова взял её кисть, тонкую, с холодными её пальцами. – Что у вас говорят, когда нравится человек? Когда страшно говорить, но хочется открыть, то что внутри, в сердце.

– Что открыть? – Ядвига отдернула руку, а затем схватила его ладонь, почувствовав, как в теле поднимается жар. – Кохам. Люблю. В России говорят...

– Люблю, – перебил Синтаро, переплетая свои огрубелые пальцы с длинными и тонкими пальцами Ядвиги. – Мы похожи, мы с тобой одно. От разных деревьев листья, упавшие рядом.

– Ты так красиво сказал. Мне странно слышать такое от человека, который ещё год назад едва говорил по-русски. Как листья... Которые разметает ветер в разные стороны.

– Не говори так. У нас судьба одна. Ты как тёплое солнце. Недавно было не так, всё было не так. Я хотел бежать, хотел вернуться домой. Сейчас без тебя нет ничего.

Она прижалась к нему и стала целовать его лоб, щёки.

Слёзы покатались, обжигая его лицо. – Мишенька, родимый мой. Что ты говоришь? Мне страшно. Посмотри вокруг, мы словно в аду. Погляди на меня, ведь я тебя старше, мне уже больше тридцати, а ты же совсем мальчик ещё. Ведь не будет нам счастья здесь. Не будет. Неужели ты не понимаешь?

– Счастье? Что это? Я не знаю что это.

– Молчи, не говори, не спрашивай, никто не знает, что это. Ты моё счастье, ты. Горе моё луковое.

– Что такое горе луковое?

– Глупый. От лука плачут, и я от тебя плачу.

Неожиданно дверь открылась, на пороге стоял Векшанский. – Я кажется не вовремя, – растерянно произнёс он, медленно входя в приёмную. – Может мне подождать за дверью, пока вы окончательно попрощаетесь.

Ядвига, покраснев от волнения прижалась к стене, отвернув взгляд. – Прощай Миша, – намеренно громко произнесла она едва ли не выталкивая его из прихожей. Синтаро молча кивнул и ушёл, унося в душе надежду, и в то же время тревогу.

Миновала ещё одна зима. Он по-прежнему работал в бригаде на пилораме. Голова быстро зажила, хотя последствия удара давали знать, особенно когда приходилось ворочать брёвна. Юрьян следил за тем, чтобы Синтаро не переусердствовал.

– Не ломи, паря. Чего ты пуп свой рвёшь задарма. Вый-

дешь на свободу, вот тогда рви на здоровье. А здесь надо бечься. Наше дело сохранить себя. Ждут нас, понимаешь? Дома ждут. А раз так, то брось это бревно, если не в жилу оно тебе.

– Ты, как всегда, шутишь, Юрьян? – спорил Синтаро, улыбаясь. Он знал, что его товарищ прошёл всю войну, и не боялся трудностей. – Ты же сам говорил, что воин не должен бояться трудностей и прятаться за спинами товарищей.

– Одно дело война, другое дело тюрьма. Конечно, мы должны презирать страх, мужчина в первую очередь воин. Но здесь мы не по своей воле, и ложить голову на плаху... Нам надо выстоять, и обязательно выжить. Война и лагерь, это разные вещи. А в судьбу я, паря, не верю. Тюрьма это по глупости.

– За что тебя осудили? – спросил Синтаро, когда пила заработала вновь, и все, кто находился рядом, уже ничего не слышали. – Жрать охота, кормить стали нехорошо, – пожаловался Синтаро, присаживаясь на бревно рядом с другом.

Юрьян порылся в кармане и сыпанул в ладонь Синтаро горсть кедровых орешков. – Спрашивай почаще, у меня этого добра хватает. Незаменимая вещь в тайге, особенно зимой. Это мне товарищ один с деляны подбрасывает. Земляк мой. У нас в Сибири без них никуда. Ничего, скоро зелень полезет... Чеснок дикий пойдёт, черемша... Уже веселей будет. Жира не нагулять, конечно, но и с голоду не умрём. Погоди вот вот.

Кедровые орешки действительно выручали, и Синтаро сразу оценил и вкус, и сытность этого лесного продукта. Юрьян научил его делать из орешков муку, смешивая с хлебными сухарями и молодой хвоей. Получалось и сытно и объёмно. Ещё в эту муку он добавлял барсучий жир, от этого лепёшки получались как будто тёплыми. Благодаря жиру они могли долго храниться и не разваливались. Немного горчили, но были вполне съедобными.

– За что осудили, говоришь? В морду одному дал. Подрался. А по уставу в военное время драться нельзя. Всё бы ничего, на войне ведь всякое бывает, но я-то солдат простой, а этот, офицерик, молодой, вроде тебя. Только с училища, с гонором. Вот, с сорок четвёртого лес и валю. Но это паря хорошо, что так вышло. Могли, конечно, в штрафбат, но я там уже и был, дальше, как говориться некуда. Вот меня и убрали с глаз долой. А они потом все полегли, под Варшавой, и лейтенантик тот. Один там остался в живых, дружок мой, письмо прислал, как домой приехал. Вот такие бывают чудеса в жизни.

Рассказ Юрьяна заставил Синтаро вспомнить свою жизнь в Японии, и подумать, что неизвестно как бы пошла его жизнь и куда привела бы его дорога, если бы не случился бунт. Может и в Хиросиму, где жила Йошико. Той Хиросимы, что была когда-то, уже не было.

– Почему ты охраняешь меня, Юрьян. Изаму тоже говорит, он со стороны видит. А с ним ты строг, ругаешь.

– Володька-то? Дурак твой Изаму. Силы немеряно, а в голове, что у барсука – где бы поспать. Ленивый твой дружок. Таких надо понукать всё время, глаз да глаз. Того гляди заснёт где, бревно тут как тут. Одного на моих глазах задавило, даже ойкнуть не успел. О бабе, видать, думал. Ты вон тоже влюблён в медичку. Думаешь, начпрод это терпеть будет? Этот человек в лагере первый, захочет извести, и Печёнкин не поможет. Что смотришь? Ты на меня так не смотри, как Ленин на буржуазию, я всё знаю. Думаешь, чего китаёзы тебя обухом погладили по затылку? Могли же запросто по голой башке шандарахнуть, тогда бы уже на том свете пребывал. А они телогреечку натянули, так сказать, с комфортом чтобы, помягче чтобы было. А почему, знаешь? А потому что Векшанский знает, что Печёнкину до тебя дело имеется. Смотри парень, думаю, что в следующий раз будет что-то потяжелее топора. Ты уж поаккуратнее с полячкой. Баба она добрая, хорошая, ничего не скажу, но судьба её не подарок. Не советую. Хотя, кто в таком деле может советовать. Бог один.

Пока Юрьян говорил, Синтаро смотрел за пилой и молчал. Мысли о Ядвиге всегда были с ним.

– Люблю я её, Юрьян.

– Знаю. Да только и ты меня пойми, что за тебя мне ответ держать.

– Перед Печёнкиным?

Юрьян задумчиво посмотрел в глаза Синтаро.

– Печёнкин... Дело не в нём, хотя он, конечно, твоей

смерти не желает. У него и без вас хватает бед и забот. Жаль мне тебя. Вовку не жаль, а тебя вот жаль. Сердцем чувствую, что не случайно встретились мы здесь, в этом забытом медвежьем углу. Мне дома надо быть, в Сибири, жена у меня, хозяйство, пацанов подымать, двое у меня парней дома. А тут ты, с молоком не обсохшим на губах. Вижу стянуто всё вокруг нас. Да не объяснить тебе, не поймёшь всё равно. Я ведь паря, немного колдун. Думаешь, чего меня все стороной обходят в отряде. Вот, даже Зверёк, и тот шарахается. Это я на него страх нагоняю, время от времени. Не веришь?

– Как это? Не верю.

– А ты смотри на меня, если не веришь. Просто смотри, в глаза.

Синтаро взглянул на Юрьяна и тут же получил удар, его словно отбросило от пугающей пустоты Юрьяновых глаз. Он даже вскрикнул.

– То-то же. Тока не трепись, ни Володьке, никому. Это между нами чтоб.

– Ты колдун?

– Мои предки не такое умели, дед хотя бы. От его взгляда и помереть можно было. Так что с медичкой ты лучше не связывайся, мой тебе совет.

– Но Ядвига мне нужна!

– Не кричи, дурень, уши-то вокруг, что у зайцев. Моё дело предупредить, а тебе решать, ты взрослый.

После этого разговора Синтаро неделю не подходил к Яд-

виге, но и не разговаривал с Юрьяном. Ему было и страшно и обидно, что тот не понимает его.

Третья лагерная весна оказалась ранней, ведущие на деляны дороги, рано пришли в негодность, тракторы едва проходили по ним, протаскивая истёртые до железных стяжек сани. Вокруг пахло хвоей и талым снегом. Заключённые, радостные от того, что пришло долгожданное тепло, скользили по раскисшим дорогам, утопая по самые голенища в холодной грязи, глядели по сторонам, выискивая глазами в верхушках кедров оставшиеся с осени шишки. Их давно склевали птицы, а те, что попадали на снег, съели белки и кабаны. Всюду было полно звериных следов, слышался треск тракторов и звон ручных пил. По делянам прохаживались охранники в распахнутых полушубках, и тоже радовались жизни, щурились от яркого солнца и зевали, зэки на них не обращали внимания.

Синтаро и Изаму всегда находили место в передней части саней, под самым трактором. Это было неудобное место, но зато не так беспокоили ветки деревьев, которые легко могли сбросить с саней. Синтаро знал это и был предельно внимателен, когда двигались сани. Был случай, когда молодая лесина медленно выползла из-под гусениц, а потом, словно пружиной, хлестанула вдоль саней. От удара несколько человек слетело, а одному, самому первому, кого она зацепила за ворот телогрейки, оторвало голову. Сам Синтаро этого не видел, но по рассказам легко мог представить, насколько это

страшно. Из леса приезжали уже в сумерках, дни становились длиннее, и потому приходилось работать больше. Но в лесу лучше кормили, еду привозили на деляну с собой, в основном кашу из ячменной крупы, которую называли перловкой, или пшеничную, из проса. Порой ели досыта. Когда охранник был добрый, ставили петли на зайцев. Поймать в петлю зайца было удачей, и тогда деляна наполнялась запахом костра и жареного мяса. Синтаро поначалу брезговал мясом зверя, но потом ему понравилось, с мясом было сытней и веселей. Смена в тайге пролетала быстро.

В тот день они остались на пилораме. Юрьян разобрал дизель и предложил Синтаро помочь ему устранить неисправность.

– Хватит тебе обиженным ходить, Миха. Ты на меня не злись. Я в твои дела не лезу, и ты мои не осуждай.

Синтаро смущённо улыбнулся и пожал плечами. До этого дизель едва работал, несколько раз глох, отчего приходилось откатывать бревно, чтобы запускать снова раму. Он знал, что Юрьян обратился не случайно именно к нему, а не к кому-то другому.

– Надо бы топливный насос поглядеть, видишь, не тянет двигатель. Пилы вечером точили, брёвна вроде не шибко толстые, а он его едва тянет. По голове-то нас будут шерстить, не кого-нибудь, – словно оправдывался Юрьян.

– Лады, – кивнул Синтаро, скидывая телогрейку. Было светло, несмотря на позднее время, день уже был длиннее

ночи, за что и обидно было и радостно. С моря за перевалом, тянуло по небу серые хлопья одиноких облаков. Глядя на них, Синтаро казалось, что облака приплыли с его родины.

– Чего размечтался? Родину вспомнил? Бери ключ, снимай коробку, – командовал Юрьян, подметая вокруг дизеля. Когда с мотором разобрались, пришёл посыльный и принёс еду. Это был их ужин. Там же, в дизельной, приоткрыв дверцу, они поели уже успевшей остыть каши. Юрьян, как всегда, посыпал её кедровой мукой. – Последняя. Больше нет, – словно извинился Юрьян, аккуратно стряхивая с ладоней последние крупички муки. – Хоть иголку кедровую сыпь, – улыбнулся он приятелю. – Вижу, дуешься на меня, а всё равно к медичке ходишь. Да хрен с тобой, ходи. Бабе мужик нужен, а мужику баба. Ты давно не мальчик, Миха, и молодец, что не боишься ничего. Самую красивую бабу в лагере закадрил, хотя признаюсь, не в моём вкусе, уж больно тощая. Да и на чём тут отъесть задницу? На какую не глянешь, одни кости. Повариха у вохров ничего, в теле баба. Мужики её хвалят. Но пустая. А Ядвига с теплом, душа есть у неё. Вот детей не родила, это плохо, баба должна родить, тогда в ней гармония появляется. Человек любить должен, а что дороже дитя для него, особенно для женщины. Ты слушай, слушай. Как не крути, а подфартило тебе, паря. И ничего что старше, в темноте-то не видно. Так же? – он ткнул Синтаро в бок и рассмеялся.

– Нельзя так о женщине. Она стольким помогает. Лечит, –

смутился Синтаро.

– Шутка это, не бери в голову. Да и ничего дурного нет в этом, это жизнь, паря. Дети тоже не из капусты появляются. А ну встань, покажу чего.

Синтаро нехотя поднялся.

– Выйдем, вон на то ровное место. Давай, возьми меня за руку. Мы с тобой одно же роста? Ну, почти, и веса одного. Свали меня рукой, ну, тяни, кто кого передавит.

Они встали друг напротив друга, и Синтаро неуверенно стал тянуть Юрьяна за руку.

– Ну, ещё, ещё сильнее, – командовал Юрьян, вынуждая Синтаро применить всю свою силу. – А теперь наблюдай.

Синтаро неожиданно завалился на бок, больно ударившись плечом. Юрьян смеясь, поднял его с земли. – Ну, давай ещё раз, вижу, что ты ничего не понял. А понять надо. Давай, дави, тяни мою руку.

Синтаро недовольно снова встал напротив друга. Через секунду он не просто упал, а подлетел, оторвавшись от земли, и опять больно ударился о землю. – Как у тебя вышло? – возмутился он. – Меня подбросил кто-то. Ты такой сильный? Ты и Холода так поднял тогда?

Юрьян некоторое время сверлил Синтаро колючими глазами, словно выискивая какое-то особое место.

– Вокруг не пустота парень. Всё имеет плотность. Воздух, он не пустой, он вроде творога. Им управлять можно, точнее взаимодействовать. Ты ведь меня за руку тянул, а я тебя

за пятку. Вот гляди, – он подошёл вплотную и провёл вдоль спины Синтаро рукой. Неожиданно колени Синтаро подогнулись, и его словно подкосило.

– Что ты сделал? Как это? – почти закричал он.

– Ты не кричи, – а то вороны слетятся, – предупредил Юрьян, оглядываясь. – Я вообразил, что моя рука идёт до твоей пятки, и затем ухватил тебя этой рукой. Вот и всё. Гляди вот, – Юрьян повёл телом, и Синтаро потянуло за ним, словно зацепило.

– Это ты снова руку вообразил?

– Ну да, можно сказать. Попробуй сам. Воздух между нами, наполни его, вообрази, что воздух продолжение тебя, только не напрягайся. Желай так, как делаешь руками, и не сомневайся. Только выброси всё из головы. Всё, до мелочей.

Они снова встали друг напротив друга, и Синтаро попробовал представить руку, и ухватить ею пятку. Ничего не вышло.

– Ничего, ничего. Давай снова, и перестань головой думать, от сердца действуй, почувствуй серёдку. Вот... Было было что-то. В самом начале что-то появилось, но потом вылезли мысли, и всё пропало.

– Ты, наверное, шутишь? Мне так не кажется, что получилось.

– С такими вещами не шутят, паря, как и с бабой. С ней или связывают жизнь, или рвут. Разом. Давай ещё, и выкинь её из башки, хотя бы сейчас, я ведь вижу всё. Ты же непре-

станно о медичке думаешь. Тогда всё впустую. Запомни, там, где у мужика дело, бабы быть рядом не должно.

Они тренировались до темноты, и в самом конце, когда Синтаро уже надоело падать, Юрьян неожиданно подался вперед, и, сделав плавный кувырок через голову, оказался на земле.

– Ну вот, не верил.

– Ты притворился?

– Дурень ты. Ты всё сделал сам. Ладно, всё, хватит для первого раза.

Они завели дизель, потом подключили пилораму. – Знаешь, зачем всё это я тебе показал? Пошли, дорогой расскажу.

Слова Юрьяна насторожили Синтаро. Он поплёлся следом, словно боялся, что Юрьян ему расскажет что-то особенное, тайное, запретное.

– Уезжаю я скоро, Миха. Амнистия мне пришла, шабаш значит, – начал негромко Юрьян. От услышанного Синтаро остановился. – Ты свободу получил?

– Да, если так можно сказать. Свободу. Четыре года в лагере, три на фронте, хватит. Домой пора.

– Без тебя будет трудно.

– Вот об этом и хотел сказать. Только что скажу, то никому, ни слова. Никому. И Вовке не говори. Мне было поручено глядеть за тобой. Чтобы тебе шею не свернули. А тебе её могли свернуть запросто. Но думаю, сейчас ты и сам за себя постоять сможешь. В случае чего мужики помогут. Дотяните

как-нибудь.

– Кем поручено? – растерянно спросил Синтаро. – Печён-киным?

– Печёнкин... Большой ему интерес, двух эков опекать. Но видно надо было ему, чтобы ты не сдох в лагере этом чёртовом. И за другом твоим тоже приглядывали. Но с ним-то как раз всё нормально. А с тобой вот не всё.

– Из-за Ядвиги?

– Баба, именно.

– Вязов. Я его помню, – почти выкрикнул Синтаро.

– Не кричи. Не знаю про Вязова, но скажу, что Печёнкин по приказу действует. Сам он человек честный, слово своё сдержал. Он же на апелляцию моё дело подал, и вот теперь пришёл приказ об освобождении. Он, конечно, мог и тянуть, но его слово дорогого стоит. Так что, ещё недельку здесь проваландаюсь, а потом всё, домой. Да мне и этих дней не вытянуть. Как узнал сегодня утром, дышать не могу, кричать хочется. С трудом сдерживаюсь. Придём, сам увидишь. Все уж знают в отряде. Мне Зверёк перед сменой на ушко шепнул, переживает. Я над ним посмехаюсь, а он зла не держит. Но защитить тебя он не сможет. На Печёнкина тоже не надейся сильно. Пока ты водишь шашни с Ядвигой, покоя не жди. Векшанский к ней равнодушный, особенно когда мужа её не стало. Так запал на неё, что готов из штанов выпрыгнуть. Беречься надо таких людей.

Слова Юрьяна ввергли Синтаро в страх и отчаянье, и, од-

новременно, обиду. Выходило, что за ним смотрели, как за ребёнком.

– А ты ребёнок и есть, – усмехнулся Юрьян на недовольство товарища. Зайдя в барак, он уже ничего не говорил, и едва сдерживал эмоции. Там его хлопали по плечам, жали руки, кто-то плакал. Изаму весь день работал за территорией лагеря в посёлке и умудрился пронести через ворота спиртное. Он в числе небольшой бригады чинил площадку перед магазином, вымачивая её торцами листовых чурбаков. За сделанную работу продавщица, ни с того ни с сего, угостила их самогонкой. Изаму оказался любителем русского крепкого напитка, и уже успел пригубить, отчего ходил довольный жизнью, обнимался со всеми, кто был ему приятен. Синтаро до самого отбоя просидел в полузабытьи. Подсев к нему, Изаму обнял его за плечи и заплакал.

Шла последняя смена, в которой работал Юрьян. Он уже ничего не боялся, говорил, не оглядываясь, рассказывал Синтаро всё, что приходило на ум: они почти не работали. В бригаде появилось много новых людей, угрюмых и не привыкших к тяжёлому труду. Под началом Изаму, ворочая тяжёлые брёвна, они лишь бросали косые взгляды на парочку, одаривая друг друга добротной отборной бранью: ни одна работа в лагере не обходилась без крепкого русского мата.

Стоял конец апреля, всюду слышался птичий звон, наполняя пространство самыми разными звуками, ещё не летали комары, и было вольготно от запаха свежих опилок, лёгкого,

наполненного жизнью ветерка, гулявшего под кровлей пилорамы, и всё это так волновало Синтаро, что хотелось исчезнуть из этого мира, убежать. Он даже сказал однажды об этом Изаму, но тот покрутил у виска, сказав, что лучше он напьётся соляры, чем пустится в бега. Про побеги знали все. Они происходили не часто в лагере, но заканчивались тем, что избитых и подранных собаками бегунов возвращали, и они долго ещё ходили под конвоем, в целях устрашения других.

– Что задумался, япона мать. Не горюй Мишаня. Время летит быстро, – сказал, подсаживаясь Юрьян, после того, как очередное бревно отправилось в пилораму.

– Завтра ты уедешь, – сипло отозвался Синтаро.

– Завтра... Дожить ещё до этого завтра. На фронте так не желал свободы, как сейчас. Не поверишь, но мне жаль всё это оставлять. Сам не пойму, почему так. Но ей богу жаль. Ещё вчера проклинал, а нынче сердце заныло. Ночью глаз не сомкнул, вспоминал. Прикипело, понимаешь. Гляжу на проволоку, и тоска берёт. Вышка вон, часовой, бедолага. Тоже домой хочет. А уедет, тосковать будет. Всё это для нас как урок.

– Так Ли Вей говорил.

– А, китаец твой крещённый.

– Ли Вей умер, он утонул, – сказал Синтаро. Юрьян некоторое время молчал, но по его целеустремлённому взгляду в пустоту было видно, что он чем-то занят. – Ну думаю, –

наконец-то отозвался он. – Нет его там.

– Ты когда так говоришь, мне становится страшно Юрьян. Как ты можешь заглядывать туда?

– Всё рядом с нами Миха.

– Вы, русские странные люди. Ядвига, Печёнкин, даже Векшанский. Я его больше всех боюсь, даже больше Холодрыги. Мне непонятно, вы такие разные, но в то же время похожи.

– Разговорился ты, братец. Складно гутаришь по нашему, а?

– Не смейся, я правду.

– Твоя правда, Мишка. Странные мы. Огресли полземли, и никто нас разгрызть не в силах.

– Почему так? Чем вы лучше других?

– Сила над нами. Ты здесь, со мной, значит над тобой тоже она.

– Что за сила, Юрьян?

Глаза Юрьяна горели от радости. Это был его последний день в лагере, и то, что он говорил, совсем не вязалось с молчаливым угрюмым человеком. Перед свободой он сбрил бороду, взяв напрокат у Зверькова бритву, и теперь смотреть на него было до удивления странно. Синтаро не узнавал своего старшего товарища. За эти годы он так сроднился с Юрьяном, что Изаму даже стал ревновать. И сейчас, когда они сидели и разговаривали, Изаму лишь поглядывал в их сторону.

– Свет. Наш мир называют белым светом. И он такой и

есть, запомни это, парень. Будешь держать в себе хоть каплю его, тогда тебе не важно, где ты, в России или в Японии, или ещё где. Твой дом это свет. Посмотри на людей вокруг. Если бы не свет, разве выжили бы они в таких условиях? Мы все сеятели света по природе. Но животы наши забиты всегда дерьмом, а головы страхом. Живём как во тьме, и потому гниём заживо. Вот ответ, на твоём флаге что нарисовано?

– Солнце.

– Вот видишь. У нас одна природа, а ты говоришь, русские. Конечно, русские. И ты уже наполовину русский. В тебе мысли стали по-русски звучать, я же вижу. Ты растёшь. Не только возрастом, душой растёшь, сердцем. Только сильно не радуйся этому.

– Почему?

– Это паря крест. Не каждому по силам свет нести.

– Почему крест? Я не понимаю, Юрьян.

– Погляди, – Юрьян встал и вытянул руки, тень образовала на земле крест. – Крест по-нашему и есть свет. Так и дед мой говорил, когда молодым встречал своих в дороге. Спрашивал – с чем люди добрые по свету идёте? А те отвечали – со светом. Так и ты, Михаил, иди со светом.

– Я его тоже вообразить должен?

– Нет, Миша, этот свет в себе надо разжечь.

После обеда в цехе закончились брёвна. За Юрьяном пришёл посыльный и сказал, что его вызывают в канцелярию

лагеря. Оказалось, что машина уже ждала Юрьяна за воротами, так распорядился Печёнкин. Юрьян с грустью последний раз оглядел пилораму, растерянно вздохнул, и, не прощаясь, медленно пошел за посыльным. Растерянный Синтаро остался сидеть один на солнцепёке, за спиной у него суетились его товарищи, трактором вытягивая брёвна из скирды. Потом эти брёвна с матами, и при помощи ломов закатывали на рельсы и вставляли в тележки. От тёплых лучей, проникавших под навес, Синтаро разомлел, вставать не хотелось, но надо было идти работать. Он поднялся, и, блуждая мыслями среди тех последних слов, сказанных Юрьяном, поплёлся к скирде, где уже натянулся трос. Он не заметил, как сверху выкатилось бревно, но услышал истошный крик Изаму. Краем глаза он успел заметить силуэт отыгравшего одним концом бревна, летевшего прямо на него: глухой удар в грудную клетку отбросил его на несколько метров. Потом был ещё удар затылком о твёрдую землю, а затем – всё тот же знакомый привкус чего-то сладкого и пустота.

В посёлке никто не мог сказать точно, откуда и когда в эти края пришёл странного вида старик, высокий, сухощавый, с окладистой белой бородой, с пронизывающим взглядом глубоко посаженных, прозрачно-голубых глаз. Дед Тимофей жил особняком у края посёлка, где старые поляны уже успели зарости березняком, в гуще этого белоберезника подрастал молодой хвойник. Через него и выходил к людям се-

довласый старик в сопровождении двух собак. Поэтому никто точно не знал, когда он появлялся в посёлке, а когда отсутствовал, пропадая в тайге. Тимофей был одиноким, и всё, чем он промышлял, становилось ему и едой, и разменной монетой. Наверное, это был единственный человек, у которого не было денег, но к которому все, кто его знал, шли за помощью.

За окном светило тёплое апрельское солнце, не часто баловавшее прибрежную тайгу. С моря, беспокойного в это время, обычно тянуло серую хмарь, но в этот день небо было ясным и безветренным. Дед Тимофей только вернулся из тайги, закрыл в сарае собак, чтобы, не дай бог, не убежали на какую-нибудь собачью свадьбу, время располагало к тому, и принялся за хозяйство. Как всегда за зиму вокруг дома набралось много ненужного, и с раннего утра до позднего вечера он занимался наведением порядка во дворе.

Он сидел, ещё не остывший от работы, поджидая, когда согреется на плите вода в чугушке. Глядя за окно, он высматривал постоялицу – было то самое время, когда она приходила из лагеря. По тонкому силуэту он сразу узнал Ядвигу, было заметно, что девушка спешила.

– Что стряслось, дочка? – спросил Тимофей, когда она вбежала в дом. Взгляд девушки был растерянным, а глаза говорили о том, что она недавно плакала. Старик отставил пустую кружку и поднялся. Ядвига, казалось, не услышав его слов, прошла к себе. Он не стал тревожить её, понимая, что

работа отнимает много сил, и прошёл во двор, в доме было жарко от натопленной печки. В сарае скулили собаки, просясь гулять, но было не до них. Поведение постоялицы озадачило его. Зайдя снова в дом, он постучал по перегородке. Ядвига сидела на топчане и смотрела в пустоту.

– Ну, рассказывай, что случилось. Не держи в себе, вижу, что у тебя стряслось что-то.

Когда она рассказывала о происшествии на пилораме, он молча сидел напротив и только кивал, словно соглашался.

– Всё это странно, очень странно. Три года человек работает, а тут зазевался. Странно. Хорошо бы глянуть его. Говоришь, отхаркивает кровью. Видать, лёгкие ушиб, а может и рёбра поломал. Бревно не шутка. – Узнав всё что можно, дед Тимофей поднялся и стал одеваться. – Пойдём к твоему больному. Если ты так расстроена, то и мне не до чая. Пропустили бы за ворота, вот задача.

Когда они подошли к воротам лагеря, было уже сумрачно, сверху на них поглядывал из будки часовой, охранник у ворот долго и с неохотой выслушивал Ядвигу, а затем исчез, закрыв за собой калитку. Сквозь колючую проволоку было видно, как он лениво прошёл в дежурку и там так же что-то долго объяснял другому военному. Вскоре этот другой выскочил и резво пошагал в сторону офицерского барака.

– Не быстро здесь у вас, – сказал Тимофей, наблюдая за действиями охраны. – А с другой стороны, куда им спешить? Служба быстрее не покатится, и срок тоже.

Наконец, их пропустили. В медпункте, в приемном покое на кушетке лежал заключённый с серым как льняное полотно лицом и с высохшими в уголках губ потёками крови. Когда Тимофей увидел, что это азиат, то слегка растерялся. – Нерусь? Как же он угодил сюда? На татарина не похож. Он кто, дочка, китаец, что ли? Совсем юный.

– Японец он, дядя Тимофей. Военнопленный.

Старик немного постоял, словно раздумывая над новостью, а затем развернулся, собираясь выходить.

– Солдат? Уволь, дочка. Кому угодно помогу, последнее отдам, но не японцу... Прости меня Ядвига, но это не смогу, – произнёс он недовольно и категорично.

Девушка встала в двери, пытаясь остановить старика, она была в растерянности.

– Как же так? Почему, Тимофей Игнатьевич.

– Не держи меня, Ядвига, и не проси, не помогу, – решительно произнёс Тимофей. – Знала бы ты, сколько горя пришлось принять мне от этой породы. Отойди с пути.

Тимофей грубо отодвинул её и вышел на улицу. Ядвига почувствовала вдруг пустоту вокруг, она поняла, что осталась одна со своей бедой, и уже никто не сможет ей помочь, так же как и с Андреем, умершим на её руках. И сейчас на её глазах таяла жизнь близкого её человека, единственного, в ком была её радость и утешение последнего времени. Она не могла поверить, что человек, на которого она надеялась, отмахнулся от её горя и ушёл прочь. В глазах её поплыло,

ноги подкосились и она рухнула на пол, потеряв сознание.

Когда она пришла в себя, то увидела, вернее, почувствовала, знакомый запах дыма, исходивший от полушубка старика. – Очнулась, девка? Давай, приходи в себя, нечего блуждать под потолком. Двоих мне ещё не хватало.

Он посадил её на стул и протёр виски нашатырём. – Кабы знал, что тебя так волнует этот нехристь. Кто он тебе? Зэков полный лагерь, чего ты его так взяла к сердцу?

– Помогите мне, дядя Тимофей. Андрею не смогли помочь, ему помогите. Жалко мне его, человек он, просто хороший человек.

– Эх, дочка, взяться одно, помочь другое. Ты думаешь, я всесильный. Он ногой одной на том свете уже стоит, а ты просишь помочь. Не думал, что вот так столкнусь ещё раз с живым японцем. – Тимофей оглянулся, словно высматривая в комнате посторонних. – Ты спросишь, откуда такая ненависть к ним, к японцам. Я ведь из Порт-Артура пришёл сюда, перед войной, думал спрятаться от всего, от людей. Они ведь жену мою загубили. Я с семьёй тогда жил. Ушли из Советов голыми, бросили всё что имели, думали, пронесёт судьба. Не пронесла. Ты мою спину видела не раз, а это от них памятка осталась, от японцев. От клинка ихнего, на всю жизнь. Не совладать мне было десятерых, а они-то знали, кто я. Добивать не стали, думали, сам помру, а жену насмерть замучили. Так что, ты прости меня за гнев. Не остыл, видать, огонь. Не говори никому про то, что сказал. Несдобровать мне, ес-

ли узнают, что в Порт-Артуре жил. Ладно, давай поглядим твоего...

– Миша его зовут.

– Миша? – Старик широко раскрыл глаза, словно пытаюсь лучше рассмотреть японца. – Это странно. Миша, значит. Но настоящее его имя-то другое, хотя какое это имеет значение. Миша так Миша. – Старик наклонился и стал расстегивать пуговицы телогрейки. Делал он это осторожно и сосредоточенно, громко сопел, часто останавливаясь, словно раздумывая над чем-то. – Не пойму. Он что же, крещёный? С какого праздника у него крест на шее?

Ядвига молчала, всё ещё опасаясь, что старик откажется помогать.

... – Есть у тебя дочка очки, или стекло, что увеличивает? Не могу рассмотреть. – Дед встал, несколько взволнованный. – Сними его, дочка, не могу я, пальцы не слушаются, не пойму отчего. Старый, что ли, стал, или так ты меня разволновала своим зэкком.

Он долго вглядывался в серебряный крест, надавливая на поверхность огрубевшими подушечками пальцев, глубоко вздыхал, потом, нехотя, вернул его Ядвиге. – Не знаю, что и думать. Ладно, после решим. Давай смотреть его. Принеси ещё лампу, темно тут, надо бы глаза его поглядеть, послушать, аппарат-то есть? Трубка, или что там.

Он долго прослушивал пострадавшего, ощупывал поси-невшую грудь пальцами, брал в руки вялые мышцы рук,

ладони. Потом ощупал аккуратно пальцами голову. Всё это время пострадавший стонал, делая частые вздохи, словно ему не хватало воздуха. Когда он заходился кашлем, то изо рта шла кровавая слизь.

– Плохи дела, плохи, но коли кровь со слюной выходит, то уже малая надежда есть. Раз не помер сразу, то сила значит, есть в ём. – Поднимаясь с колен дед Тимофей тяжело вздохнул, задумчиво глядя в одну точку. – Темя у него внутрь провалилось. Но может это и к лучшему, кости молодые, гибкие, не сломались. Видать, падая, на камень, или ещё на что попал. Оставлять это нельзя, хотя, в сравнении с грудиной это уже не так серьёзно. Кровь там спёкшаяся скопилась, может перейти в воспаление.

– Гематома? – перебила Ядвига.

– Оно самое. Оставлять такое нельзя, но с этим ты справишься, я расскажу как. Слушай внимательно. Нужен будет спирт, или одеколон, чтобы горело. И банка стеклянная, что от простуды ставится на тело. Думаю, такое у тебя должно быть. Выбрей вокруг темени, чтобы чистая кожа была, смажь внутри банку спиртом, подожги и поставь на темя, минут на пять. Она вытянуть должна гематому, и кости поставить на место. Кровь убрать надо будет, а потом соль приложишь к ране, примерно с ложку, до утра пусть будет. Она и кровь остановит. Сделай из бинта повязку, вроде шапочки, обмотаешь через подбородок, чтобы не слетела. Запомнила? – Старик ещё раз повторил, что и как надо сделать, после чего

внимательно осмотрел больного, словно проверяя свои догадки. – Теперь дальше слушай. На грудь ему надо что-то холодное. Опухоль снять. Лёд, или снег. Есть такое?

– Лёд есть, я его с зимы наготовила, до лета может не таять в погребе.

– Погоди бежать, запиши что скажу, а потом делай. Уйду я завтра с утра в тайгу, за снадобьем, дня на три на четыре, как получится – далеко идти. А ты сделай вот что... Про голову ты знаешь что делать, это между делом. Главное... Сегодня всю ночь пусть прикладывают лёд, его в мешок кожаный можно положить.

– Есть грелка резиновая.

– Годится. Только тканью её оберни. А завтра, рано, как только солнышко выглянет, начните греть его, натирать, только аккуратно, лучше возьми головку чеснока, если найдёшь, конечно. Может, у баб офицерских есть. Растолки его и разбавь уксусом, можно винным, можно яблочным, хорошо бы туда скипидару живичного добавить, он дома есть. Этим и натирай. Прогревайте его, а то после льда, если не согреть, ещё хуже будет. Дома возьмишь медвежьего жира, знаешь где, им натирать будешь, всё туловище, немного правда там, но на первое время хватит. Бог даст, продержится. Ну, вот так, кажись.

Дед Тимофей некоторое время смотрел в лицо японца, потом перекрестил его, прочитав полушёпотом какую-то молитву. От слов его и неторопливых действий Ядвига почув-

ствовала необъяснимое спокойствие, словно старик совершил незримое волшебство, как над ней, так и над Мишей. Всё так же, не выпуская из рук крестик, слегка пошатываясь от пережитых чувств, она вышла вслед за стариком на улицу, и, глядя, как он не спеша исчезает в темноте, разревелась. В ней появилась надежда, и от этого её чувства полились через край; выплывший из памяти страх, связанный с гибелью Андрея, незаметно прошёл. Она тоже несмело перекрестила силуэт старика и вернулась в палату.

Старика не было четыре дня, он вернулся в сумерках, без одной собаки, глаза его были воспалены. Он немного прихрамывал. Не заходя в дом, Тимофей сразу затопил баню, и пока она нагревалась, занимался хозяйственными делами. После бани лицо его заметно посвежело, от чистой одежды пахло свежестью и теплом.

– Как долго вы, Тимофей Игнатич, были на этот раз. Думала, что случилось, – едва сдерживая эмоции начала Ядвига, накрывая на стол.

– В тайге, дочка, всякое бывает. Но, слава богу, обошлось. Звонка жаль, погиб наш Звоночек. А не он, то неизвестно, сидел бы я с тобой сейчас. Я ведь без ружья пошёл, не те годы, чтобы столько вёрст по горам его тащить на себе, а весной в тайге без оружия опасно. Думал, пронесёт, но не избежал встречи с бурым. Пристал как репей, не собаки, так съел бы меня. Голодно в тайге, вот он и прилип ко мне. Достань-ка в том шкафчике ту, что в зелёной бутылке. Надо мне

отоспаться за всю неделю, а без пустырника это не всегда получается. Много не лей, половинку и хватит. Сама тоже можешь пригубить, не бойсь, разбужу с первыми лучами. Расскажи пока, что с твоим японцем, больным с твоим, с Михаилом. Что плохого, что хорошего?

Из рассказа Тимофей узнал, что Михаил был жив, но дела его не становились лучше. Как и было велено, Ядвига делала компрессы и натирала тело медвежьим жиром. Нашёлся и уксус и чеснок, и со стороны казалось, что больной идёт на поправку, но, на самом деле, Синтаро лучше не становилось. По-прежнему, из лёгких отхаркивалась кровяная слизь, но что было ещё хуже, с каждым днём иссякали в нём силы. И без того тощее тело сделалось прозрачным и слабым, никакую пищу организм не принимал, больной почти не спал, мешала боль в груди.

Выслушав рассказ, старик неторопливо выпил рюмку, после чего долго втягивал воздух, словно продлевая действие настойки. После этого он медленно поел нехитрой похлёбки из пшенной крупы, поднялся, и стал перебирать котомку.

– Далёко я ходил в этот раз, ох и далёко. Давно был в тех краях, но, слава богу, не забыл дорогу. Слушай вот... Был у меня случай, ещё в Забайкалье, где я когда-то жил. Я ведь из казаков происхожу тамошних, и там с одним из дружков моих случилась беда, лошадь его стукнула копытом, да хорошо, прямо в сплетение. Месяц не вставал парень, и всё хуже ему было и хуже. Все средства перепробовали, даже по-

па в дом приводили, а он кроме молитвы ничего не знает. А тут один бурят мимо шёл, тоже, вроде попа ихнего, по-нашему шаман. И постучал к ним на ночлег. Нигде не пускали, а в том доме, хоть и дух покойника уже стоял, пустили. Бурят зла не держал на казаков, как зашёл, так сразу и понял, что это дух его вёл в этот дом. Ведь если бы он где в другом доме остановился, не увидел бы этого, кого жеребец лягнул. Они этого бурята, чем богаты были, покормили, а он возьми и попроси осмотреть больного. Тот уж едва дышал, так далеко зашло всё, белый уж весь, что полотно, кожа да кости. Тогда этот шаман что-то своё, шаманское посотворял, траву какую-то пожёг, как у них принято, со своими молитвами, а потом попросил простой воды в стеклянном графине, и добавил в него некой соли что ли, вроде извести белой, так она выглядела. Он, значит, разбавил её в воде, подождал с полчаса, чтобы всё растворилось как следует, и дал больному выпить. Тот с трудом, но осилил стакан. Воду он пил. Утром уже просит поесть, вроде как полегчало, у него к утру жижа из лёгких пошла. Бурят сразу понял, что дело на поворот пошло, и тут же засобирался в дорогу, но оставил им этого средства. Объяснил, что да как делать. А там только пить и надо было. Поднялся казак через неделю, ходить стал, оклемался. Бурята с тех пор больше не видели. Как он называл то снадобье, я не помню, но объяснил, где его можно искать, хотя оно редкое в тайге. Каменным маслом его у нас зовут. Только знающий может его обнаружить. Мне то

средство показал тот самый казак, даже на язык дал попробовать. Объяснил где его можно отыскать. Он потом целый год по сопкам лазил, но нашёл. Грудина у него так и осталась с ямой посередине. Но лучше с ямой в груди, чем грудью в яме. А я про тот случай сразу вспомнил, когда твоего больного увидал. Припомнил и место, где видел что-то похожее, однако далеко оно оказалось. Зверь его грызёт, лижет, когда больной, или, там, раненный. Я это место почему-то приметил тогда, хотя вспомнил не сразу. Вот я его принёс, на язык оно кислит сильно. На, попробуй. Кислое оно на вкус. Набрал немного, но думаю, что, если начнёт помогать, то и этого хватит. А лишнее только помехой будет. А если нет... В общем, завтра разведёшь...

Ядвига взяла из рук старика мешочек с лекарством и стала быстро одеваться.

– Ты что ль уже? На ночь-то глядя? Тогда чего ждала все это время? Ох, я, старый дурень, тянул kota за хвост. Нет, чтобы сразу показать.

– Что вы, Тимофей Игнатич, я так рада. У меня всё горит внутри, не смогу же спать, утра не дождусь. Вы меня не ждите, я в медпункте переночую, мне не привыкать. – Она поцеловала старика в щёку и, ещё не успев застегнуть пуговицы на шинели убежала в лагерь.

– Эх, молодость, молодость. – Старик долго сидел за столом, обдумывая всё, что произошло за последнее время. – Но кто бы мог подумать, что так окажется, – проговорил он,

глядя в запотевшее окно. – Неужели свела судьба? – Старик замолчал, вытаскивая из-под нательной рубахи крест на всю длину нитки, и осматривая его. Потом он налил себе ещё одну рюмку из зелёной бутылки, медленно выпил, а после затянул унылую и длинную песню. По щекам покатились слёзы благодати, какие бывают у стариков от воспоминаний прожитых лет и от радости за чужое счастье. Утром он поднялся с первыми лучами солнца и, не завтракая, пошёл в лагерь.

Синтаро встал на ноги за неделю. Уже после нескольких приёмов снадобья, а пил он несколько раз в день по полстакана, ему стало лучше, из его лёгких стали выходить сгустки чёрной слизи, появился аппетит, да такой, что Ядвиге пришлось упрашивать в хозблоке для него дополнительную пайку. Там такого случая не помнили, но навстречу всё же пошли. Мишка «япона мать» снова стал розовощёким, несмотря на худобу, много говорил, смеялся, а ещё через неделю ушёл в свой барак, закинув телогрейку за спину, и перепрыгивая через лужи. В бараке никто не верил, что «япона мать» выкарабкается, но так и произошло. Приняли его с радостью, и первым, кто заговорил с ним, был Зверьков. Он сидел в канцелярии за столом, и предложил Мишке сыграть партию в шахматы. Предложение показалось странным, но Синтаро согласился.

– Жив значит, япона-мать, – повторял в который раз Зверьков, не отрывая взгляда от доски. – Живучий ты, Мишка, мать твою... Снова сухим из воды выскочил. Ну что ж,

так тому и быть. Так и быть. Ходи, давай, твой ход, самурай.

Мишка не обращал внимания на пустые фразы противника, а только следил за его ходами, чтобы во время подставить фигуру под бой. Зверёк не любил проигрывать, это знали все отрядовцы, однако, в этот раз, как не старался Мишка, проиграть не смог, зайдя в патовую ситуацию.

– Вам это ни о чём не говорит? – неожиданно перешел на «вы» Зверьков, когда шахматы были отодвинуты в сторону. – Ваше положение.

Синтаро задумался. Вопрос озадачил. Первое, что смутило его, это обращение на «вы». Обычно Зверьков ограничивался коротким Идзима, без «ты» и без «вы», словно в нём не было ни тела, ни сознания, а лишь фамилия. Тоже самое было по отношению к другим заключённым, но в этот раз в обращении чувствовалось некое подобие уважения. Так обращались к нему лишь однажды в лагере, когда он стоял в кабинете у Печёнкина.

... – Вы ещё не забыли свой разговор у начальника лагеря?

Синтаро от удивления вздрогнул и замотал головой, но сначала он стал кивать в знак согласия, а когда понял, что его могут неправильно понять, замотал головой по сторонам, едва не свернув шею. Зверьков рассмеялся. – У вас хорошие мозги Идзима, человеку с такими мозгами не место среди эков и проспиртованных охранников. Времени на осмысление сказанного вам ночь. А затем решайте. Друга твоего тоже касается. Всё, можете идти.

Когда Синтаро вышел из кабинета Зверькова, его сразу же обступили со всех сторон, словно ждали; слишком долго он сидел в кабинете у начальства. Вечером он передал содержание разговора Изаму, тот долго думал, а потом сказал: я как ты, куда ты, туда и я.

Стоял конец мая, небо было затянуто облаками, их серые хлопья плыли над самой землёй, задевая вершины нависающих над лагерем сопок. Временами всё вокруг накрывало мелкой холодной пылью, такой дождь был обычным делом в это время. Синтаро стоял напротив Ядвиги и молчал. Они стояли уже несколько минут, держа друг друга за руки. В стороне в ожидании нервно прохаживался Изаму, поглядывая на друга. За воротами внутри лагеря всё так же лениво ходил охранник, тоскливо поглядывая в сторону тех, кто вскоре навсегда должен был покинуть это место. Тут же поодаль стояла машина, на которой Синтаро со своим другом должны были уехать. Возле нее спокойно курили двое военных – водитель и офицер.

Ядвига куталась в шинель, и в волнении поглядывала в сторону машины.

– Почему ты не хочешь, чтобы я забрал тебя? – спросил в очередной раз Синтаро, нервно сжимая её пальцы. – Ты не должна здесь оставаться. Я скоро приеду за тобой и заберу отсюда. – Ядвига, словно, не слышала его и, казалось, думала о чём-то другом. В это мгновение машина издала сигнал,

Ядвига вздрогнула, отняла руки, а затем бросилась к Синтаро и расплакалась. Она обхватила ладонями лицо юноши и стала его трясти. – Не забывай меня, слышишь? Не забывай.

– Почему ты не хочешь...

– Молчи, Миша, ничего не надо говорить. Всё пустое. У нас разные дороги. Ты только не забывай меня, прошу тебя. Я люблю тебя Мишенька.

Она отстранила его: – У меня будет... – Неожиданно она замолчала, словно испугалась того, о чем хотела сказать.

– Что будет? – спросил Синтаро, вглядываясь в голубые, наполненные слезами глаза девушки.

– Ничего. Ничего у нас не будет. У меня не было выбора, Миша. Ты не знаешь. Он мог сделать всё, что угодно. Но теперь я спокойна, потому что ты жив. Ты будешь всегда со мной. Это хорошо, что ты уезжаешь из этого проклятого места. Всё равно у нас ничего не получилось бы. Ничего.

Синтаро смотрел на девушку, и ничего не мог понять из того, что она говорила. Он слышал знакомые слова, но их смысл ускользал от него.

– Я уезжаю, Ядвига, уезжаю! – почти кричал он. – Кто останется с тобой, если я уеду? Ты говоришь, что я останусь с тобой, но меня не будет, я сейчас уеду. Я тебя не понимаю, объясни. Я приеду за тобой, вот увидишь. Я обязательно вернусь.

Ядвига замотала головой, потом поцеловала его в губы, обжигая слезами его небритое лицо, и оглянувшись, слов-

но за ней кто-то наблюдал через проволоку, оттолкнула его от себя. – Иди, прошу тебя. Я хочу видеть, как ты уходишь. Уходи, прошу тебя. – Потом она ещё раз обняла его и снова произнесла: «Ты всегда будешь со мной».

Это были её последние слова. Он повернулся и медленно пошел к машине. Двигатель завёлся, Виллис издал пронзительный сигнал, словно прощался с лагерем, а потом сделал разворот по площади вокруг Ядвиги, и уехал. Мелькали телеграфные столбы, вышки лагерей, колонны заключённых, бредущих вдоль дороги, на горизонте маячило серой полосой море, а Синтаро, по-прежнему, видел перед глазами тонкую фигуру Ядвиги, проговаривая её последние слова: «Ты всегда будешь со мной».

Офицер молчал и тоже, казалось, переживал. Изаму, которого было договорено с этого момента называть только Владимиром, с любопытством разглядывал убегающие картины придорожного пейзажа, что-то напевая себе под нос. Синтаро не мог понять, на каком языке пел его друг. Ему показалось, что Изаму поёт сразу на двух языках, японском и русском.

– Прощай, – произнёс Михаил, обращая свой внутренний взор к любимой женщине. В то же время он поймал мимолётный, немного удивлённый взгляд капитана, и тут до него дошло, что он произнёс русское слово совсем не задумываясь. Оно, как и имя Ядвиги, уже не нуждалось в переводе, его произносила душа. «Теперь я русский», – с волнением

вдруг осознал Михаил. В первую секунду испугавшись этой мысли, он оглянулся на друга, а затем почему-то улыбнулся, и стал напевать вместе с Изаму: ... Про степного сизого орла, про того, которого любила, про того...

Философия жизни.

До Находки из Владивостока пришлось добираться целый день. Битком набитый катер, долго не мог отшвартоваться от причала из-за встречного ветра, но, наконец, вышел из бухты, и взял курс на восток, огибая левым бортом высокие зелёные берега. Первое волнение постепенно ушло, и теперь Михаил мог спокойно наблюдать за людьми, за чайками, за облаками. Незаметно берег исчез в сером тумане, Михаил поёжился и стал искать более тёплое место в трюме, там было душно и тесно. До Находки шли целый день. Всё это время Михаил думал о женщине, которую хотел увидеть снова. Прошло два года с тех пор, как он покинул лагерь, за плечами осталась разведшкола, впереди целых полмесяца законного отпуска, первого в его жизни. Михаил был готов к настоящей работе. В мыслях он возвращался в своё прошлое, и представлял какой могла быть их встреча, в памяти возникали образы проведенного в лагери времени, и от предвкушения встречи с Ядвигой его немного лихорадило. Наконец, катер пристал к причалу. Снова выглянуло солнце. Сойдя на берег, Михаил надел тёмные очки, и, проверив вещи, пошёл искать дорогу. Выйдя за город, он стал пытаться остановить попутку, но это долго не получалось. Отчаявшись, он пошёл

своим ходом, закинув саквояж за плечо. Через пару километров Михаил увидел стоявшую на обочине крытую бортовую машину с поднятым капотом.

– Что, браток, сломался? – спросил Михаил, заглядывая в открытый двигатель. Молодой солдатик коротко взглянул на него, немного растерявшись от встречи с незнакомым человеком, и нехотя пробурчал себе под нос. – Чёрт её маму знает.

– Мама тут не причём. Ты подачу топлива смотрел? – бесцеремонно поднимаясь на подножку, спросил Михаил, понимая, что эта машина может быть хорошим шансом, чтобы добраться до места. – Может насос надо прокачать?

Парень перестал возиться с двигателем и пристально посмотрел на Михаила.

– Шёл бы ты своей дорогой, друг, не знаю, как тебя там.

– Миша, – в той же непринуждённой форме подсказал Михаил, улыбаясь солдату, и доставая из нагрудного кармана вместе с удостоверением пачку папирос.

– Извини, на дороге всякого народа хватает, – смягчил тон солдатик, принимая ещё не испачканными пальцами папироску. – Вообще-то нам не положено брать пассажиров, но если ты сможешь завести этот старый драндулет, то я тебя подвезу, если нам по пути. Тебе куда? Я-то в Козьмино еду.

Михаил удовлетворённо кивнул и стал закатывать рукава. Через десять минут они уже ехали по накатанной проселочной дороге, миновав похожие на пирамиды, остроконечные

сопки Брата и Сестру. Переехав на пароме реку, они окунулись в лес, дорога петляла среди заросших склонов и оврагов, водитель лихо крутил баранку, напевая под нос какую-то послевоенную песню.

– Фронтовик? – спросил он, косо поглядывая на незнакомого попутчика. Михаил отрицательно замотал головой.

– То-то гляжу, больно молод для фронтовика. А выпра-вочка–то военная. По какому делу в наши края? Служба, или так, дело какое?

– По делам, – соврал Михаил.

– Понятно, – протянул водитель, напевая знакомую мелодию. До конца поездки они уже ни о чём не говорили.

Перед поворотом на Козьмино водитель притормозил: – Дальше придётся самому добираться, мне направо.

Михаил выпрыгнул из кабины и огляделся по сторонам.

... – По дороге прямо и вверх, и вверх, так и упрётся. А дальше, как говорится, некуда. Да и нет там ни хрена, – чем-то недовольный сказал солдатик. Михаил с удивлением посмотрел на водителя, раздумывая, стоит ли уточнять. Новость озадачила его.

– Чего нет? – всё же спросил он, поправляя одежду. Мне сорок четвёртый участок нужен.

– Сорок четвёртый... Ты откуда свалился? Сказал же, ничего нет, чего ж тут непонятного. С весны уже. Зэков, нет, лагерей, стало быть, тоже, и лесопильни нет. Да и жилухи, можно сказать не стало. Там всё на соплях держится. На Уголь-

ном ещё остались цеха кирпичного завода, там зэки ещё есть, да и тех скоро распустят. Вот в Козьмино мало-мало ското-база осталась при лагере. И та наладом. Так что, товарищ младший лейтенант, не знаю, как там вас по отчеству. Счастливого пути.

Оставшись один среди леса, Михаил некоторое время стоял в нерешительности. От вечерней прохлады становилось зябко, он поёжился, и пошагал вперёд.

Он не сразу смог узнать место, где когда-то стояли ворота. Пройдя перед этим посёлок, он не насчитал и десяти домов, в которых могла теплиться хоть какая-то жизнь. Напротив едва освещённых окон одного из бараков висело на верёвке тряпье, тут же бегали два тощих беспородных щенка, слышались чьи-то голоса. Людей он так и не увидел. Что-то непонятное и неприятное было во всём этом.

Только по маячившим неподалеку силуэтам вышек он догадался, что стоит на территории лагеря. Остатки офицерского дома, столовая, вернее, то, что осталось от длинного низкого сарая, где кормили заключённых, – вот всё, что ему удалось распознать на месте некогда огромной обустроенной, если так можно было выразиться, территории, где он прожил почти три года. В груди защемило. Он так и стоял бы в нерешительности, если бы не почувствовал, что на него кто-то смотрит из темноты. Контуры еще не упавших опорных столбов его барака не давали различить фигуру человека, но Михаил точно знал, что она там есть.

– Кого там чума принесла? – услышал он недовольный голос. – Игнатич, ты что ли?

Михаил пошёл на голос и вскоре увидел человека. Того немного пошатывало, он был нетрезвым, и держался за доску, которую, по-видимому, только что оторвал от перегородки барака.

– Ну, чего уставился? – проворчал человек. Михаил подошёл почти вплотную и немного растерялся. Это был Зверьков, командир шестого отряда.

... – Ты кто такой будешь? – всё так же покачиваясь, спросил Зверьков. – Тут закрытая зона, сторож я. Посторонним делать нечего. Не видишь что ли, лагерь особого режима. Я заместитель Печёнкина.

Бурчание Зверькова всё больше забавляло Михаила, развеивая первое впечатление уныния и тоски. – А я, кажись, узнал тебя. Япона мать. Мишка, ты что ли? Мама японская, франтик какой. Ты кого тут забыл, в этом проклятом месте?

– А ты? – спросил Михаил, подходя ещё ближе. В горле встал ком от волнения, он захотел обнять Зверькова, но вид пьяного бывшего командира отряда остановил его. Он достал папиросы.

– Курить будете?

– Давай, раз такой щедрый. Ни хрена себе! Костюм, шляпа, «Беломор»... – Зверьков привычно дунул в гильзу папиросы и стал покручивать её в пальцах. Огонёк-то есть? Мои

спички отсырели.

Прикурив от зажигалки Синтаро, Зверьков закашлялся и выругался матом.

– Япона твоя мать, ой, простите, товарищ, не знаю какого вы звания.

– Полковник, – пошутил Михаил, на что Зверёк истошно рассмеялся, а потом отдал честь.

– Ну, Мишка. Шутить так и не разучился, япона мать. Полковник... Хотя, что нам ещё здесь делать. Тока шутить и осталось. Видишь, что от нашего барака осталось. Ни хера. Одни гвозди. Всех зэков на север угнали. Нам бы радоваться, а мы с тобой грустим. У тебя, может, выпить есть? Вина бы, хоть половинку стакана. О-о-ох, как мне хреново сегодня. – Зверьков начал что-то говорить в своей быстрой манере, потом он словно опомнился. – А ты здорово по-нашему стал гутарить, прям как из Полтавы вчера приехал. – Зверьков протяжно вздохнул, переключив внимание на папиросу. – Дай ещё парочку, что мне одна. Знаю, тебе не жаль. Ты всегда последнее отдавал братьям-зэкам.

– Вы что-нибудь знаете про медсестру из санчасти? – неуверенно спросил Михаил, пытаясь определить, где находился лазарет.

– Какую медсестру? Ты что, охренел. Мне только и надо, что знать про какую-то лагерную шлюху.

– Ну-ка, ты, выбирай слова, – Михаил взял Зверькова за шиворот.

– Отпусти, – сердито потребовал Зверьков, не пытаясь освободиться. – Мало в лагере было ****ей, что ли? Откуда я знаю, про какую ты спросил.

– Всё равно, не смей. Не от хорошей жизни было.

– Жизнь, она у всех разная была. Одних за скот держали, а другие сало кушали.

– Всё равно, не смей.

– А то, что?

– Ничего, – Михаил оттолкнул Зверькова, ему стало противно, он уже собрался уходить, но потом вспомнил, что идти ему особенно некуда. – Сам-то чего не уехал? Чего тут прозябаешь? – спросил он.

– Прозябаешь... А куда мне? Из маленького лагеря в большой? Не всё ли равно, где подыхать от водки. Думаешь, я не хотел, не просил? Транзитка большая, лагерей пока ещё хватает. Как Печёнкина перевели, они такую гниду прислали на его место... Вохры все как сырого мяса обожрались, что волки стали. Ладно бы хоть одни они лютовали, а то же и уголовники свои морды повытаскивали из всех щелей. Житуха началась, что в аду. Вы с дружкой вовремя свалили. Не то, несдобровать бы вам. Сколько людей сгноили, выродки. И как таких земля держит.

Дышать стало тяжело, Михаил расстегнул пиджак и ворот рубашки. Он много пережил, отбывая заключение, но время словно сгладило боль и страдания. Даже когда было очень тяжело, у него всегда оставалась надежда на светлое

будущее. У него были друзья, дом, пусть временный, но чистый и светлый, была интересная работа. Но то, о чём говорил Зверьков, показывало ему, что вся эта идиллия может рассыпаться, словно карточный домик. Он бросил окурок и, не прощаясь, пошёл прочь, не понимая, куда идёт и зачем. Проходя край поселка, он остановился. В темноте стены молодого леса проглядывал силуэт одинокого дома, там светилось окно. Свет был едва заметным, и Михаил скорее почувствовал, чем увидел, что там теплится жизнь. Идти ночью по пустынной дороге среди леса не хотелось, да и ноги уже болели от долгой ходьбы. Что-то в очертаниях дома было притягательным, он остановился у калитки и постучал железным кольцом о засов. Сразу же залаяла собака, свет в окне исчез. Он догадался, что его услышали.

– Кто там, на ночь глядя? Зверьков, ты что ли? Иди от греха подальше.

– Извините, мне бы переночевать, хоть в сарае на сене, на одну ночь. Пустите, ради бога.

– Ради бога? А есть ли он, бог то, – человек с фонарём подошёл к калитке и прикрикнул на собаку. Михаил узнал его не сразу, но в памяти возник уже забытый образ седого старика, склонившегося над его койкой. Его охватило волнение. – Дядя Тимофей, – произнёс он приглушённо. – Дядя Тимофей, это я, Синтаро, из лагеря, – почти прошептал он, почему-то оглядываясь по сторонам.

– Какой такой Синтаро? Японец что ли? Михаил? Ты что

ли? Живой? – Старик открыл калитку и втянул его во двор. Впустив его, он тоже почему-то огляделся по сторонам и запер калитку на засов. – Ну, занесло добра молодца в памятные места. Проходи, проходи, не ждал.

Пока Михаил топтался в дверях, хозяин вынул из печи чугунок и стал накрывать на стол. – Я тебе сейчас сотворю поесть, с дороги-то оголодал поди. Чаю будешь? Индийского, конечно, нету, какой есть. Я тебе кипрея сделаю, он ещё и повкусней будет. От щей-то не откажешься, с дороги?

– Не откажусь, – не сдерживая волнения, сказал Михаил, растерянный от такого приёма.

– А ты неплохо по-нашему гутаришь, – не скрывая блеска в глазах, произнёс старик, словно освещая этим блеском гостя. Михаил смущённо опустил глаза, улавливая скрытый смысл слов. Для старика он по-прежнему был чужаком. – Ладно, ладно, не тушуйся, говорю так, потому что слышу что душу вкладываешь в слова, а коли так, то значит наш ты, русский стал. А на лицо своё не смотри, на русской земле всякого брата встретить можно. Давай к столу, присаживайся. Руки тока вымой с дороги, лицо сполосни, считай, что домой пришёл.

...-Ты как с неба свалился. А у нас, паря, всё разом изменилось, – рассказывал дед Тимофей, когда гость доедал большую миску щей. – Лагерь в конце зимы убрали, зёвок кого куда, а гражданские, сам видишь, разбежались. Остались только те, кому идти некуда, вроде меня. Да и зачем?

Лес хоть и повыпилили весь, а живность пока имеется. Хоть и никудышный я охотник стал, а на суп всегда добуду. Того же рябца, да хоть и козулю. Да куда мне столько мяса одному. Отдаю половину. Жаль, вот пороху не добыть, конторы промысловой поблизости нет, а в Находку пешком не находишься. – Старик говорил и говорил, и становилось ясно, что он скучал всё это время без собеседника. – Да... Лагерь. Хоть и много горя от него было, но и кормилось немало людей рядом с ним. Кедра-то не стало на тридцать вёрст, так пилорамы и встали. Пилить-то нечего. Пихту попилили с ёлкой, да бросили. Из неё и гроба приличного не сделать. Гробы-то паря в ходу были. А потом уж и лагерь закрыли. А заключённых – кого в Ванино, а кого и дальше, на север, в Магадан увезли, на Чукотку. Да кто его знает, север он края не имеет. Транзитку, думаю, ещё не скоро уберут. А скорее бы. Не дело это, не дело, людей за проволокой держать. Ну, поел? Вот и, слава богу. Можешь отдыхать, я тебе за печкой постелю. Там хорошо спать.

Старик неожиданно заволновался, поднялся с табурета, будто что-то вспомнив.

– Расскажите про Ядвигу, дядя Тимофей, – попросил Михаил. Старик вздрогнул, бегло взглянув на гостя.

– А ты чего же, не знаешь ничего? – спросил старик, глядя уже прямо в глаза гостю. Михаил растерянно пожал плечами. Этот прямой взгляд разволновал его.

– Померла Ядвига. Почти два года, как схоронили, – ска-

зал старик отворачиваясь. Глаза его сразу наполнились влагой, он обессилено сел и плетью опустил руки вниз. – Ядвига, Ядвига... Мне она как дочка была. Не стало её, я и во все один остался на этом свете.

Михаил продолжал молча смотреть на хозяина, ещё до конца не веря, что слова старика – правда. Он понимал, что тому не было смысла обманывать, но принять то, что Ядвиги больше нет, он никак не мог.

– Как это случилось? – едва сдерживая волнение, спросил Михаил.

– Как случилось, хочешь знать? – Старик неожиданно преобразился. Что-то злое блеснуло в его глазах, когда он произносил эти слова. – Как случилось... Рожала она, вот что. И не смогла родить. В лагере кроме неё больше не было докторов, а сама она без помощи как родить могла? Чего тут не понять, она уже едва брюхо таскала. Трудно ей было с твоим ребёночком. А тут раненого принесли в медпункт. На деляне топором окрестили. Уголовники. Напрело их к тому времени, Печёнкина то не стало, другого поставили начальником. Ну и началась весёлая жизнь для всякой шушеры. Драки да разборки. Охранникам-то дела мало. Вот она пошла, жалеяная душа, на ночь глядя, да поскользнулась где-то. Кабы не это, может и обошлось бы.

– Вы сказали, моим? – Михаил вскочил, от резкого движения стол пошатнулся, кружка с чаем опрокинулась. – Мой ребёнок?

– А ты думал, чей? Напроказничал и уехал. Ни слуху, ни духу.

– Я ей писал, всё это время писал. Она ни разу не ответила мне.

– Писал, говоришь? Выходит, что не доходили твои письма до неё. Ты сядь паря, сядь, успокойся. Ты не серчай, что сказал в сердцах. Конечно, ты не знал. Но ребёнок от тебя был, так она мне сказала по секрету. Да какой тут секрет, пороку разве скроешь? Восточную-то. Твой он был, ребёнок, только волосёнки на голове светленькие, как у матери, а глаза твои. Красивый. – Старик улыбнулся и просветлел, прозрачные глаза его замерли, остановившись на одной точке посреди стола, словно там он видел всё, о чём говорил. По щеке прокатилась одинокая слеза. – Девочка. Анюткой называли, Анной. Умерла-то Ядвига не сразу, ещё неделю жила, не выпускала из рук дитя своего, кормила, пока глаза не закрылись. Кровоточила она. Её бы в город отвезти, а осень поздняя, дороги так размыло дождями, никакая техника не проходила. Так и угасла. Так-то вот паря. Здесь её похоронили, завтра могилку покажу. Потому не уезжаю, что держит меня она, слежу за могилкой.

От услышанного всё сжалось в груди у Михаила, мир, который он рисовал себе все эти годы стал серым и пустым. – Что же мне теперь делать, дед Тимофей? Я ведь к ней ехал. – Михаил обессилено сел, опустив на стол руки.

Старик неуклюже вытер платком щеку, и в недоумении

посмотрел на гостя. Потом поднялся и полез в шкафчик. – Помянем нашу Ядвигу, царство ей небесное. Не забыл ты её. И это уже для неё хорошо. Что ж раньше не приехал? – Он в сердцах махнул рукой. – Да какой в том смысл. Значит, так на роду у неё было написано. А ты не забывай её. Женщину ты ещё встретишь, и, наверное, не раз, коли так они тебя любят. Но её не забывай, так она хотела.

Когда они, не чокаясь, выпили, старик перекрестился, потом налил ещё.

– Где ребёнок, хочешь знать?

Старик долго молчал, словно подбирая нужные слова для ответа. – Не ищи ты его парень. Что в том толку? Ребёнок твой у мужа еёного. И не смотри на меня так, не я её сватал. А ты что хотел? Ей же ничего не оставалось, как согласиться выйти замуж за начпрода.

– Векшанского?

– За него. Она и согласилась ради тебя. Чтобы он тебя не тронул. Ревность-то в нём знаешь, как играла, пока ты в медпункт с болячками своими бегал. Ты скулами-то не играй. Так оно и было. Не она, так неизвестно, дожил бы ты до отъезда, или нет. А на Векшанского зла не держи. Тоже человек несчастный, горя хапнул на всё катушку. У него вся семья сгорела под бомбёжкой. Он ведь тоже любил нашу Ядвигу, так любил, что не просыхал ни дня, пока согласия не дала. Только любовь его была ей в тягость. Ведь места не находил после её смерти. Малышку я видел потом, с ней он не рас-

ставался ни на минуту. Тоже, вишь, непонятно почему так. Ребёнок чужой, а ему как родной оказался. Вот и пойми русского человека. Где кровь последнюю выпивает, а где своё готов последнее отдать, жизнь не жалеет. – Блуждая взглядом, Тимофей тяжело вздохнул. – Расштал ты меня, Михаил. – Едва сдерживая слезу, старик взял налитую рюмку, и, дождавшись, когда гость повторит его движение, удовлетворённо кивнул, и молча залпом выпил. – Ладно, поздно уже, отдыхать пора, да как тут уснуть. Ну, да утро вечера мудренее.

Когда он проснулся, за окном светило солнце, оно и разбудило Михаила. В доме было тихо. Он тяжело поднялся и вышел на крыльцо. Тимофей куда-то собирался.

– Чего подскочил в такую рань?

– Так, не спиться уже, – смущенно ответил Михаил, опустив голову и уже успев окунуться в события минувшего вечера.

– Выброси из головы, – словно догадавшись, о чём мог думать Михаил, приказал хозяин. – Грызи, не грызи себя, а в том никому нет никакой пользы. А человек должен быть полезен. Раз проснулся, на ручей сходи, воды принеси, ведро в бане. Дров наколи, вон чураки топора ждут. Потом других дел найду, скучать некогда. Или ты собрался уходить?

Михаил пожал плечами.

– Ну и добре. Сейчас почаюем сперва, а после позавтракаем вчерашними щами. А потом и на могилку сходим к Яд-

виге. Роса к тому времени спадёт.

Солнце уже было в зените, когда дед Тимофей привел его на кладбище.

– Знаю, тяжело тебе сейчас, но это пройдёт.

Михаил растерянно посмотрел на старика, словно недоумевая от сказанной фразы. Тимофей поймал этот косой взгляд и слегка кивнул головой. – Печаль твоя сейчас давит тебя, знаю. Прими её, как есть. Со временем она станет светлой. – Взгляд старика, казалось, был безучастным, и блуждал в колыхающихся травах, окружавших кругом невысокий холмик; лёгкий ветер уже успел высушить ночную росу. – Ты вот печалишься, вижу, в груди у тебя пусто. Но подумай здраво. Каково ей сейчас, там? – Не ожидая ответа, старик продолжил: – Вся наша печаль по ушедшим, когда они дороги нам, преимущественно это жалость к себе. Для нас это потеря, по себе и печалимся, но сознаться не можем. Тоска это называется. Хуже нет тоски. Но их жалеть не надо. Просто помнить и любить. На то человеку сердце. Тогда печаль твоя станет светлой.

Михаил не знал, что отвечать, но после слов старика окружающий мир словно преобразился, потерял ту плотность и тягучесть, в которой тело находилось всё это время. Тимофей заметил перемену и снова кивнул: – Мы хоть и мужики, слёзы не красят... Но, иногда выплакаться надо. – Старик мягко похлопал Михаила по плечу, немного постоял рядом, а потом оставил его одного. – Долго не сиди тут, – сказал он

вместо прощания, – у нас с тобой одно важное дело есть.

Над холмиком не было ни креста, ни пирамидки, один лишь камень посреди белых ромашек, колыхавшихся на своих тонких стебельках от всякого порыва ветра. Пустота была невыносимой. Склонившись над цветами, Михаил ощутил жгучее чувство боли, горло его сдавило. Он встал на колени и хрипло произнёс имя, пальцы судорожно впились во влажную почву, ломая цветы, в груди вдруг всё содрогнулось, а потом пошла потоком слёзы.

Когда Михаил вернулся, старик возился с оружием. На столе лежали разобранные механизмы, а сам он на весах отмерял порции зарядов, на носу у него висели допотопные очки. Глянув исподлобья, старик сразу определил состояние юноши. – Хорошо бы тебя парень встряхнуть, как следует. В таком настрое ничего хорошего не сотворить. Возьми пока железки протри, вытри старую смазку в стволах, видишь, вода блестит. Насухо протри, а потом смажь. После соберёшь, а потом сядем обедать. Надо бы не поздно успеть выйти. – Он опять углубился в своё дело, выстроив целую батарею заполненных порохом гильз, и между делом по-простому спросил: – А ты, Михаил, как надолго? У тебя время-то есть? Сколько дней тебе дали?

Догадливость старика удивила Михаила. До этого он и словом не обмолвился о своём отпуске, но ему показалось, что старик всё про него знает, и про отпуск, и школу. Он снова пожал плечами и неуверенно ответил: – Дней пять, шесть.

Старик снял очки и, не скрывая удовольствия, хлопнул себя по коленям. – Это хорошо, Миша, это хорошо.

Боевой настрой старика был для Михаила неожиданным, ему всё ещё хотелось грустить, держать в себе образы прошлого, связанного с Ядвигой, но хозяин всякий раз выдёргивал его из этого состояния, не давая погружаться в переживания. Иногда он затягивал песню с повторяющимся припевом, заставляя этот припев повторять по нескольку раз. Сначала это казалось непонятным, но через несколько повторов Михаил начинал ощущать в себе незнакомое чувство, словно гул внутри. В одних случаях, когда песня была быстрая и весёлая, он начинал пульсировать телом, незаметно пританцовывать, в других плавно покачиваться, и тело само начало петь. – Пропевай паря себя, пропевай, прогуживай тело, песня знает какие струны затронуть. Ну что, разобрался? Смазал? Теперь можешь собрать. Резьбу смотри не сорви. На охоту я собрался, паря, ты как, со мной? Готов?

Михаил растерянно посмотрел на хозяина и в который раз пожал плечами: – Я не знаю... Одежды...

– Это брось. Одежду мы тебе найдём, не бойсь. Штаны, сапоги, всё это у меня с запасом. Лагерь разбирали, тут чего только не оставалось. Роту одеть можно. Всё выбрось из головы, мужику надо в деле быть всегда, в деле, запомни. Не держи хандру на сердце. Немного погрустил, отдал должное, помянул человека, и в дело. От такого, брат, война хорошо помогает. Бац по башке, и нету хандры. Но, слава богу, её

нет сейчас, войны-то. Так мы охотой займёмся. Я ведь тоже сердце имею, не просто мне было одному. Ходил как тень, ветром качало, потом постепенно прошло. Всё проходит когда-нибудь. Пойдём далеко, мне-то самому дробовик нести уже в тяжесть на большие расстояния, а с тобой мы и мяса принесём, если чего подстрелим, и хандру твою развеем. Лес-то, он всё заберёт.

Они вышли после полудня. Старик сразу указал ему на едва заметную тропу, ведущую в молодой осинник, куда успела убежать собака, белая остроухая сучка по кличке Белка. Нагрузив молодого и выносливого гостя ружьём и вещмешком, в котором были упакованы патроны, немного вяленого мяса и сухарей, старик шёл налегке с небольшой котомкой и прокладывал дорогу. Затхлый и сырой распадок, затянутый молодым подлеском, по которому они начали своё путешествие, совсем не был похож на тот лес, который помнил Михаил со времени своего отбывания. На деляны их возили зимой по накатанным дорогам, и лес был прозрачным, здесь же, заросшая старая колея от трактора едва выделялась среди зелени. Лес напоминал ему восточные джунгли, картины которых ему показывали в разведшколе. Было душно и жарко от ходьбы. Повсюду разносились птичьи голоса, от чего всё пространство леса казалось каким-то сказочным, ненастоящим. Иногда у Синтаро возникало чувство, что он сам птица, сидящая в кронах, и наблюдающая за бредущими по земле путниками. Это было необычно – видеть самого себя

сверху. Голоса птиц сплетались в одну общую симфонию, от которой душа уже не просто брела по земле, а парила. Михаил искоса поглядывал на своего спутника, замечая, что и сам старик тоже испытывает удовольствие от этих звуков. Старик всё шёл и шёл, привычно огибая старые выворотни и сплетения лиан. На ходу, словно это была не охота на зверя, а прогулка по парку, он показывал, где какое дерево или растение. Перед этим всегда спрашивал, и без укора объяснял, что да как. Указывал на землю, где проходил след зверя. Он часто останавливался, заставляя Михаила просто неподвижно стоять и слушать. Поначалу это казалось пустым занятием, особенно сразу после остановки – в голове ещё стучала кровь от ходьбы, с непривычки ныла спина, но с каждым разом, незаметно для себя, Михаил стал улавливать звуки до этого незнакомые. Дед Тимофей стоял в молчании, и как будто становился пустым, словно разум его выходил из тела и направлялся туда, где скрывалось движение невидимого объекта. Это могла быть упавшая ветка, шорох листвы, движение ветра сквозь деревья; старик с лёгкостью определял это. Временами, он останавливался неожиданно, резко, без всякого сигнала, дыхание его становилось едва заметным, а глаза глубокими, и даже, пугающими.

– Услышал? – едва слышно спросил он, когда они оказались на вершине одного из небольших ряжей. В то мгновение Михаил думал совсем не об охоте. Видя перед глазами заросшую дорогу, он вспоминал проведенное в лагере вре-

мя, когда гуртом, в числе других заключённых, зимним морозным днём он ехал на санях и в свете зарождающегося дня восторженно разглядывал кроны уходящих в небо кедров. Вокруг было много больных елей и пихт, затянутых паутиной зелёного лишайника и готовых упасть в любой момент, и только кедры стояли чистыми и здоровыми, словно какая-то сила оберегала их от болезней. Бредя вслед за Тимофеем, Михаил уже не видел тех кедров, лишь кое-где встречались небольшие «подростки», как называл их старик, словно это были живые существа.

– Ну, чего задумался? Слышал? Вон у тех скалок.

– А кто там? – так же шёпотом спросил Михаил.

– Дед Пихто. – Старик лукаво улыбнулся и пошёл дальше. – Свиньи там купальни устроили, там сыро под навесом камней, вода скопилась в яме, которую они выкопали до этого, теперь они там отдыхают. Жарко. Тебе-то самому не жарко?

Михаил вытер пот с шеи и кивнул.

– Может, подкрадёмся?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.